

дательствомъ. Такіе браки были запрещены и совершались иногда только при помощи какой-нибудь уловки; помѣщикъ имѣлъ право расторгнуть бракъ адскриптиціа со свободной женщиной и наказать своего крѣпостного (Cod. I. XI, 48, 24. Nov. 22 стр. 17). Императоръ объясняетъ, что свободная женщина не можетъ родить энапографа (т. е. лично несвободнаго). Родившійся отъ свободной женщины остается свободнымъ и не можетъ утратить благородство своей матери. Вмѣстѣ съ тѣмъ такія дѣти должны оставаться сельскими жителями, ибо этого требуетъ названіе колона. Поэтому, говорится въ новеллѣ, мы не даемъ имъ права покидать своего селенія. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣти, родившіяся отъ крѣпостнаго адскриптиціа и свободной матери, становились колонами, т. е. крѣпостными лично свободными, имѣвшими право приобрѣтать имущество. А Гельцеръ (р. 70) изъ приведеннаго мѣста новеллы дѣлаегъ слѣдующій выводъ: «Colonus сохранило свое первоначальное значеніе, крестьянинъ въ противоположность горожанину. Въ качествѣ земледѣльца онъ закономъ прикрѣпленъ къ землѣ. Его юридическое состояніе (рабъ *servus*, крѣпостной *adscripticius*, свободный *liber*) не принимается во вниманіе». На слѣдующій годъ Юстиніанъ измѣнилъ законъ и постановилъ, чтобы дѣти адскриптиціа и колона наслѣдовали отцовское состояніе внѣ зависимости отъ состоянія матери (Nov. ed. Schoell-Kroll p. 796 *sancimus ergo generalem legem, ut qui ex adscripticio et colono natus est patris naturam sequatur*). Юстинъ II постановилъ сообразно съ первоначальнымъ закономъ Юстиніана, что сыновья отъ свободной матери и адскриптиціа должны становиться колонами (*filios ex libera matre et adscriptitio patre liberos quidem esse, in ordine tamen colonorum esse*).

Далѣе читаемъ у Гельцера: подъ понятіе *liberi coloni* подходятъ конечно жители свободныхъ деревень. Это едвали вѣрно. Въ новеллахъ Юстиніана свободные крестьяне называются не колонами, а *χωρῆται* (Nov. XXIV 4, XXV 5, XXXVIII 6, LII 1). Что колоны были крѣпостными, особенно ясно видно изъ одной новеллы. Тутъ говорится, что если рабъ, энапографъ или колонъ пострижется безъ вѣдома и согласія своего господина и это обнаружится не позже какъ черезъ три года послѣ бѣгства помянутаго лица, монастырь долженъ возвратитъ подлежащему господину его раба, энапографа или колона. (Nov. CXXIII 25. *Εἰ ἐν τὸς τριετίας ἀναφυῆ τις λέγων ἢ δοῦλον ἢ κολωνόν ἢ ἐναπόγραφον ἴδιον τοῦτον εἶναι ἢ καὶ ὡς φεύγοντα τὴν γεωργίαν. . . τῷ ἰδίῳ δεσπότη τοῦτον ἀποκαθίστασθαι*).

## II. Безобразовъ.

Ю. Кулаковскій. *Исторія Византіи*. Томъ II. Кіевъ 1912, 512 стр. Цѣна 3 руб.

Вслѣдъ за первымъ томомъ Исторія Византіи проф. Кулаковскій очень быстро выпустилъ второй, обнимающій VI-й вѣкъ (518—602 г.). Само собою разумѣется, что авторъ не измѣнилъ своего метода, и второй томъ

отличается такимъ же лѣтописнымъ характеромъ, какъ и первый. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно посмотрѣть, какого плана держится авторъ при изложеніи царствованія Юстиніана.

Содержаніе этого отдѣла слѣдующее: Царскій свитокъ Агапита. Императрица Феодора. Дворъ и этикетъ. Церковное законодательство: положеніе еретиковъ, права и обязанности епископовъ. Заботы Юстиніана о благоустройствѣ столицы. Событія первыхъ лѣтъ правленія въ Сиріи и въ придунайскихъ областяхъ: землетрясеніе въ Сиріи, возстаніе самарянъ, обвиненіе нѣкоторыхъ лицъ въ принадлежности къ язычеству, нашествіе гунновъ, Иллирикъ. Заботы объ усиленіи восточной границы въ Арменіи и Сиріи. Сношенія съ арабами. Война съ Персіей. Смерть Кавада и вступленіе на царство Хозроя. Вѣчный миръ. Кодификація римскаго права. Бунтъ Ника. Святая Софія. Разгромъ царства вандаловъ. Паденіе остготскаго царства въ Италіи. Дѣла на востокѣ и война съ Хозроемъ. Дѣла въ Африкѣ. Вторая война съ остготами. Дѣла на востокѣ. Война съ персами въ Лазикѣ. Мирный договоръ съ Персіей (въ эту же главу входятъ: заботы императора о таврическомъ побережьѣ). Сѣверная граница имперіи. Славяне на Дунаѣ. Гунны и ихъ набѣги. Турки и сношенія Юстиніана съ аварами. Церковныя дѣла. Законодательство Юстиніана въ области государственнаго управленія (сюда входятъ и законы по дѣламъ церкви). Финансы и финансовое управленіе. Армія и военное дѣло. Жизнь столицы: заботы Юстиніана о благочиніи въ городѣ, общественныя бѣдствія, чума, землетрясенія, пожары, борьба партій ипподрома, строительство.

Изложеніе чисто внѣшнее, безъ всякой внутренней связи между отдѣльными главами и даже между отдѣльными абзацами той же главы. Фактическое изложеніе событій разрывается безъ всякой видимой причины. Приходится знакомиться сначала съ разгромомъ вандалскаго царства, совершеннаго Велизаріемъ, потомъ съ остготской войной, съ персидской войной и вслѣдъ затѣмъ съ событіями, случившимися въ Африкѣ непосредственно послѣ побѣды Велизарія. Война съ остготами тоже раздѣлена почему-то на двѣ части. Сначала говорится о бунтѣ Ника, въ которомъ принимали участіе партія ипподрома, и потомъ чрезъ двѣсти съ лишнимъ страницъ о партіяхъ ипподрома. Читатель знакомится раньше съ войнами, и гораздо позже съ состояніемъ арміи, хотя казалось бы, что составъ, численность и подготовка войска должна много объяснять въ ходѣ военныхъ дѣйствій. У автора имѣется отдѣльная глава о церковныхъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги о положеніи еретиковъ, о монашествѣ и пр. Въ разныхъ мѣстахъ пишетъ онъ и о землетрясеніяхъ и о суффрагіи, и о положеніи крѣпостныхъ. Изъ главы, названной «законодательство Юстиніана въ области государственнаго управленія» видно, что авторъ относится къ своей задачѣ совершенно внѣшнимъ образомъ. Ему пришло въ голову, что слѣдуетъ воспользоваться новеллами Юстиніана, и онъ

начинаетъ выбирать кое-что изъ новеллъ. Такъ какъ содержаніе императорскихъ указовъ чрезвычайно разнообразно, то и у проф. Кулаковскаго получилась маленькая глава о всевозможныхъ предметахъ (стр. 262—272). Тутъ говорится и о покупкѣ должностей, о присягѣ чиновниковъ, о колонахъ, объ отдѣленіи гражданской власти отъ военной, объ административной реформѣ, о поборахъ епископовъ, объ избраніи епископовъ, о возрастѣ священнослужителей, о номоканонѣ Іоанна Схоластика. Какъ видно между всѣми этими вопросами связь одна: о нихъ говорится въ новеллахъ Юстиніана.

Исторія Византіи проф. Кулаковскаго имѣетъ еще другую особенность. Авторъ не желаетъ пользоваться ученой литературой, совершенно не признаетъ трудовъ своихъ предшественниковъ и этимъ добровольно ставитъ себя въ самое невыгодное положеніе. Больше половины тома занимаетъ царствованіе Юстиніана, которое довольно подробно и полно разработано какъ въ западной, такъ и въ русской литературѣ, къ многочисленнымъ изслѣдованіямъ о покореніи Італіи и вандальскаго царства трудно прибавить что-нибудь существенное. Кромѣ того существуютъ двѣ монографіи о времени Юстиніана Дили, которую Ю. А. Кулаковскій въ своей единственной цитатѣ называетъ прекрасной, но которой онъ не пользуется, и Хольмса (W. Holmes, *The age of Justinian and Theodora*, London. 1907), о которой онъ не упоминаетъ. Познакомиться со всѣми пособіями не трудно, у Дили приведена хорошая библиографія (недостаточно полная только относительно Россіи) до 1901 г., а за послѣднія десять лѣтъ всѣ новыя книги отмѣчаются въ двухъ специальныхъ журналахъ. Проф. Кулаковскій предпосылаетъ своей исторіи списокъ ученой литературы, именно 20 книгъ и статей по исторіи имперіи и 18 книгъ и статей по исторіи востока. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что онъ пользовался перечисленными тутъ сочиненіями. На 300 страницахъ, отведенныхъ имъ царствованію Юстиніану, имѣется всего 31 ссылка на литературу, при чемъ только 13 цитатъ относятся къ книгамъ, приведеннымъ въ библиографическомъ спискѣ.

На первыхъ же страницахъ встрѣчаемъ мы у Ю. А. Кулаковскаго недоразумѣніе, которое не было бы имъ допущено, если бы онъ пользовался литературой. Изложеніе царствованія Юстиніана онъ начинаетъ слѣдующими словами: «Со смерти Юстина началось единоедержавіе Юстиніана. Испушенный уже въ дѣлахъ государственнаго управленія, онъ былъ преисполненъ сознанія величія императорскаго сана. Современники понимали настроеніе своего владыки и одинъ изъ нихъ, діаконовъ храма св. Софій Агапитеъ, поднесъ ему изложеніе идеала верховной власти въ формѣ изящно изложенныхъ опредѣленій обязанностей государя и его высокаго положенія» (стр. 38). Затѣмъ авторъ приводитъ на цѣлой страницѣ нѣкоторыя мѣста изъ Агапита въ русскомъ переводѣ и этимъ ограничивается. Если бы онъ заглянулъ въ статью Прехтера, онъ узналъ бы, что давно уже замѣчено сходство между Агапитомъ и рома-

номъ о Варлаамѣ и Иоасафѣ, что Агапитъ позаимствовалъ не мало у отцовъ церкви, что вообще Агапиту и его риторическому поученію надо отводить мѣсто въ исторіи литературы, которой авторъ совсѣмъ не занимается (*Byzant. Zeitschr. Bd. II, 444—461*). Что же касается настроенія Юстиніана и признанія величія императорскаго сана, тутъ большую пользу могла бы принести книга о развитіи культа императоровъ, начиная съ Августа вплоть до Юстиніана (*E. Beurlier. Le culte impérial depuis Auguste jusqu'à Justinien. Paris 1891*).

Нѣкоторые отдѣлы исторіи проф. Кулаковскаго можно было бы изложить лучше, чѣмъ они изложены у него, по хорошему пособию, такъ напр. глава о паденіи остготскаго царства въ Италиі только выиграла бы, если бы авторъ вмѣсто Прокопія и Кассіодора воспользовался исторіей Италиі Гартманна, на которую онъ разъ ссылается по ничтожному поводу. Справедливость требуетъ отмѣтить, что это одна изъ лучшихъ главъ въ трудѣ проф. Кулаковскаго, такъ какъ тутъ главнымъ источникомъ является Прокопій и изложеніе по Прокопію выходитъ удовлетворительнымъ. Тѣмъ не менѣе Гартманнъ значительно углубилъ бы изложеніе Ю. А. Кулаковскаго. Послѣдній пишетъ о готской королевѣ Амаласунтѣ: «Воспитанная въ средѣ образованныхъ римлянъ, Амаласунта не пользовалась расположеніемъ своихъ соплеменниковъ» (стр. 110). А почему не пользовалась объясняетъ Гартманнъ и говоритъ о разницѣ между римской имперской тенденціей и готской національной (*Geschichte Italiens I, 239—240*). Проф. Кулаковскій рассказываетъ слѣдующимъ образомъ о походѣ Велизарія въ южную Италию: «Велизарій получилъ приказъ переправиться въ Италию и считать готовъ врагами. Передвинувъ войска изъ Сиракузъ въ Мессину, онъ началъ готовить переправу. На противоположномъ берегу въ Регіи стоялъ отрядъ готовъ подъ начальствомъ Евримута, зятя Θεодагата. Евримуть измѣнилъ народному дѣлу, явился со своей свитой къ Велизарію въ Сицилію и принялъ присягу на вѣрность императору. Велизарій отослалъ его въ Константинополь, и Юстиніанъ наградилъ его саномъ патриція. Покинутые своимъ вождемъ готы ушли въ главный лагерь, находившійся тогда близъ Таррацины. Велизарій безпрепятственно совершилъ переправу. Мѣстное населеніе встрѣчало его, какъ освободителя отъ готскаго ига. Пройдя черезъ Бруттій и Луканію, онъ вступилъ въ Кампанію и подошелъ къ Неаполю. Городъ былъ сильно укрѣпленъ и имѣлъ въ своихъ стѣнахъ гарнизонъ въ 800 человекъ, населеніе вступило въ переговоры съ Велизаріемъ, но присутствіе гарнизона и вѣрность готамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ гражданъ и іудеевъ, составлявшихъ значительную часть населенія, помѣшали осуществиться состоявшемуся уже соглашенію» (стр. 116). У Гартманна читаемъ: «По приказанію императора Велизарій быстро переправился черезъ Мессинскій проливъ. Въ Бруттіумѣ, классической области римскихъ латифундій и скотоводства, но также и винодѣлія, гдѣ экономическое вліяніе римскихъ крупныхъ помѣщиковъ было безгранично,

императорская армія не встрѣтила сопротивленія, такъ какъ совсѣмъ не было готскихъ гарнизоновъ, мѣстное населеніе безпрепятственно примкнуло къ Велизарію. Правда слабое готское войско было послано на самый югъ Италіи; но первымъ перебѣжалъ къ императорской арміи готскій главнокомандующій Евермудъ, зять короля Теодагада, раздѣлявшій склонности своего тестя и предпочитавшій вести въ Константинополѣ праздную жизнь и доказывать своимъ знатымъ соплеменникамъ, что стоило сдѣлать одолженіе императору вмѣсто того, чтобы мучиться изъ за національныхъ интересовъ своего варварскаго народа. Неудивительно, что готское войско отступало или разлагалось, и что Велизарій могъ безъ сраженія вступить въ Кампанію. Средоточіемъ готскаго могущества въ Кампаніи былъ Неаполь (пропуская указаніе на положеніе и значеніе Неаполя). Переговоры, которые Велизарій завязалъ съ нѣкоторыми знатыми лицами, составлявшими въ городѣ императорскую партію, не привели къ цѣли. На большинство населенія прокламаціи Велизарія не дѣйствовали, хотя онъ выставялъ себя борцомъ за византійскую имперію и освободителемъ отъ готскаго ига. Императорское войско представлялось неаполитанцамъ болѣе варварскимъ, чѣмъ готы и евреи, составлявшіе значительную часть населенія, вспоминали съ благодарностью терпимость аріанина Теодериха и думали съ ужасомъ о религіозномъ рвеніи православнаго императора» (I, 261—262). Здѣсь важно указаніе на латифундіи и на положеніе іудеевъ подъ византійской властью, а профъ Кулаковскій говоритъ о сопротивленіи іудеевъ совершенно по лѣтописному и въ главѣ о церковныхъ дѣлахъ не счелъ нужнымъ познакомить насъ съ отношеніемъ Юстиніана къ іудеямъ. Въ той же главѣ о паденіи остготскаго царства (авторъ называетъ готскихъ монарховъ царями, а не королями) авторъ на 11 строкахъ сообщаетъ намъ два раза, что Эрарихъ былъ убитъ (Эрарихъ былъ убитъ, чтобы дать мѣсто молодому племяннику Ильдибада... Эрарихъ былъ убитъ и Тотила провозглашенъ царемъ стр. 132), рассказываетъ намъ, что боевой конь Велизарія былъ темной масти съ бѣлой головой и какъ такихъ лошадей называли греки и готы, но тщательно избѣгаетъ общихъ соображеній, которыя можно было почерпнуть у Гартманна (I, 257—260, 277—278 объ арміи Юстиніана, характерѣ Велизарія, положеніи римскихъ провинцій). Въ главѣ о второй войнѣ съ остготами (стр. 161—188) мы находимъ множество фактическихъ подробностей о разныхъ сраженіяхъ, а печальному положенію, въ которомъ очутилась Италія послѣ византійскаго завоеванія, посвящено всего нѣсколько строкъ. Проф. Кулаковскій ограничился тѣмъ, что перевелъ нѣсколько мѣстъ изъ такъ называемой прагматической санкціи (Арт. 7 къ новелламъ Юстиніана), которой пользовался и Гартманнъ и Хольмсъ, и перевелъ ихъ далеко невразумительно. Такъ напр. онъ пишетъ: «въ случаяхъ, если рабы или рабыни успѣли вступить въ бракъ съ свободными людьми, потомство ихъ получало права матери, а рабы и рабыни должны были вернуться въ прежнее состояніе» (стр. 187). Въ какое

же это прежнее состояніе должны были вернуться рабы, развѣ они потеряли свое рабское состояніе оттого что женились на свободныхъ женщинахъ? У Гартманна мы читаемъ слѣдующее: одно постановленіе направлено противъ множества рабовъ, которые бѣжали отъ своихъ римскихъ господъ и примкнули къ готамъ, и ясно опредѣляетъ, что господа не должны потерпѣть убытка отъ того, что ихъ рабы въ жесточайшее время готскаго владычества женились на свободныхъ женщинахъ (I, 358). Проф. Кулаковскій сообщаетъ еще слѣдующее: «Сохраняя въ силѣ всѣ распоряженія касательно имущественныхъ правъ на землю, какія были сдѣланы законнымъ правительствомъ, т. е. во время правленія Аталариха, Амаласунты и Θεодагата, а равно и всѣ свои распоряженія прежняго времени, императоръ кассировалъ распоряженіе Тотилы, и лица, пострадавшія отъ нихъ, имѣли право, какъ они сами, такъ и наслѣдники, возстановлять по суду прежнія условія владѣнія» (стр. 186). Читатель въ правѣ спросить: зачѣмъ понадобилось Юстиніану отмѣнять какія-то распоряженія Тотилы, кто были пострадавшія лица и зачѣмъ авторъ говоритъ объ отмѣнѣ распоряженій, когда онъ о самихъ распоряженіяхъ не упоминаетъ? На практикѣ, говоритъ по этому поводу Гартманнъ, большое значеніе имѣли постановленія Юстиніана, отмѣнявшія мѣропріятія Тотилы въ пользу крестьянъ. Сюда относится постановленіе, что всѣ недвижимыя имущества, розданныя Тотилой, должны быть возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ; постановленіе это могло относиться только къ конфискаціямъ, которыя претерпѣли главнымъ образомъ знатные римляне, стоявшіе на сторонѣ императора (I, 358). Постановленія Юстиніана клонились вообще въ пользу крупнаго землевладѣнія.

Главу о св. Софіи проф. Кулаковскій обработалъ самостоятельно, въ чемъ не было никакой надобности. Авторъ не могъ располагать новыми матеріалами, и у Дия онъ нашелъ бы совершенно достаточное и вполне удовлетворительное описаніе этого замѣчательнаго храма. Правда у нашего автора есть довольно много лишняго противъ Дия, но это басни, которымъ совсѣмъ не мѣсто въ общей исторіи. Глава о св. Софіи (стр. 84—93) написана проф. Кулаковскимъ по Прокопію, Павлу Силенціарію и Кодину. Онъ самъ отмѣчаетъ, что въ основѣ повѣствованія Кодина лежитъ сочиненіе анонима XII-вѣка. Это обстоятельство его однако нисколько не смущаетъ. Кодинъ жилъ въ XV-мъ вѣкѣ и въ Исторіи литературы Крумбахера мы читаемъ о немъ слѣдующее: «Это сочиненіе (о св. Софіи) отличается легендарнымъ характеромъ и основано на не литературномъ народномъ источникѣ. Немногія годныя сообщенія тонуть въ грудѣ баснословныхъ чудесныхъ происшествій, которыя будто бы случились во время постройки храма» (р. 423). Такой мутный источникъ положилъ авторъ въ основу своего описанія и нельзя не пожалѣть, что онъ не захотѣлъ воспользоваться сочиненіемъ Летхеби и Свенсона (Lethaby and Swainson. The church of Sancta Sophia. London 1894). Въ этой книгѣ собранъ и сгруппированъ весь матеріалъ о св. Софіи.

Современники и очевидцы Юстиниановой постройки, Прокопій, Агаеія, Павелъ Силенціарій и Евагрій приведены цѣликомъ въ англійскомъ переводѣ и отдѣлены отъ позднѣйшихъ источниковъ и отъ Кодина, жившаго на 900 лѣтъ позже Юстиніана. Анонимъ, котораго списывалъ Кодианъ, приведенъ также въ переводѣ, но о немъ англійскіе ученые справедливо говорятъ, что это собраніе легендъ, такъ какъ факты въ то время были забыты (р. 129). Проф. Кулаковскій счелъ нужнымъ познакомить читателей съ баснословными разсказами, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ выдаетъ за факты. Объ сообщаетъ между прочимъ подробность много разъ повторявшуюся. «Вступивъ черезъ среднія двери изъ нарѣйка внутрь зданія, Юстиніанъ въ восторгѣ отъ великолѣпія своего созданія быстро пробѣжалъ (едва ли величественный и старый царь бѣгалъ) къ амвону и поднявъ руки къ небу воскликнулъ: хвала Богу, удостоившему меня докончить такое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Саломонъ» (стр. 91). Лѣтъ черезъ 600 послѣ смерти Юстиніана знали сказанныя имъ слова, оставшіяся неизвѣстными его современникамъ. Для полноты картины слѣдуетъ прибавить то, что сообщаетъ анонимный источникъ Кодина. Раньше чѣмъ бѣжать къ амвону Юстиніанъ принесъ въ жертву (εθυσεν) 1000 быковъ, 6000 барановъ, 600 оленей, 1000 свиней, 10 тысячъ птицъ и пѣтуховъ. «Храму св. Софій, пишетъ проф. Кулаковскій, императоръ отписалъ 365 имуществъ въ окрестностяхъ Константинополя въ доходъ на каждый день года» (стр. 91). Явно легендарная цифра не остановила вниманія автора. Но какъ понимать «365 имуществъ», терминъ, неимѣющій конкретнаго значенія? Анонимъ говоритъ, что доходы съ 365 имѣній находившихся въ Египтѣ, Индіи (!), на Западѣ и на Востокѣ были пожертвованы св. Софій. Сокративъ эти слова, Кодианъ передаетъ, что Юстиніанъ пожертвовалъ 365 имѣній (*προξυταια*), не упоминая, гдѣ они находились, а проф. Кулаковскій пользуясь вѣроятно не точнымъ латинскимъ переводомъ (*praedia suburbana*) сдѣлалъ изъ этихъ фантастическихъ имѣній имущества въ окрестностяхъ Константинополя. Составъ клира при храмѣ, говоритъ авторъ, былъ опредѣленъ въ тысячу человекъ (стр. 91). Это тоже основано на Кодианѣ. Но мы имѣемъ новеллу Юстиніана, въ которой точно опредѣленъ штатъ св. Софій, именно 60 пресвитеровъ 100 діаконовъ, 40 діакописсъ, 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ всего 425 человекъ (Nov. 3). Къ легендарнымъ извѣстіямъ относится и слѣдующее сообщеніе проф. Кулаковскаго: «Часть матеріала для св. Софій дали древніе языческіе храмы. Одна римская патриціанка Марція прислала изъ Рима въ даръ императору восемь порфировыхъ колоннъ отъ храма бога-солнца, построеннаго при имп. Валеріанѣ» (стр. 86). Сообщеніе это позаимствовано у Кодина, но если привести его полностью сразу станетъ виднымъ, изъ какого недостовѣрнаго источника почерпалъ свои свѣдѣнія этотъ византійскій писатель. У Кодина (р. 131) мы читаемъ слѣдующее: Восемь римскихъ колоннъ, какъ говоритъ Плутархъ, протаспикритъ и эпистографъ Юстиніана, были посланы изъ Рима вдовой, по

имени Марціей, а получила она эти колонны въ приданое; они стояли въ Римѣ въ храмѣ солнца, построенномъ римскимъ императоромъ Валеріаномъ, предавшимъ себя персамъ. Козинъ написалъ Авреліанъ, а издатель Меурзій исправилъ это имя на Валеріанъ, потому что не Авреліанъ, а Валеріанъ сдался персамъ. Въ данномъ мѣстѣ у византіяца большая пуганица, онъ по всей вѣроятности хотѣлъ сослаться на Прокопія, а не Плутарха, и Марція съ ея приданнымъ относятся конечно къ области фантазіи. Внушаетъ подозрѣніе и сумма, потраченная на сооруженіе св. Софіи. Общую стоимость зданія, по словамъ проф. Кулаковскаго (стр. 91), исчисляли въ 3200 кентинаріевъ золота, т. е. около 150 милліоновъ рублей на наши деньги. Кентинарій на рубли переведены не совсѣмъ точно. Кентинарій или сто литръ составляютъ 7200 номизмъ, т. е. 40176 руб. (номизма = 5,58 руб.), а 3200 кентинаріевъ равны 128563200 руб. Авторъ считаетъ правдоподобнымъ, что на св. Софію была потрачена такая громадная по тѣмъ временамъ сумма, какъ 128 милліоновъ. Онъ не обратилъ вниманія на странное совпаденіе цифръ. По сообщенію тайной исторіи Прокопія, источника, къ которому надо относиться съ величайшей осторожностью, Анастасій накопилъ въ теченіе своего 27-лѣтняго царствованія 3200 кентинаріевъ; всю эту сумму Юстиніанъ растратилъ еще въ царствованіе Юстина, когда фактически онъ управлялъ государствомъ, а затѣмъ оказывается, что такая же точно сумма 3200 кентинаріевъ была израсходована на постройку св. Софіи.

Мы знакомимся со множествомъ легендарныхъ подробностей о св. Софіи, но не находимъ того, чего мы въ правѣ искать въ общей исторіи Византіи, не находимъ отвѣта на вопросъ, къ какому архитектурному стилю надо отнести этотъ знаменитый храмъ? Что такое св. Софія, первый памятникъ византійскаго искусства, или послѣдній памятникъ эллинскаго искусства? Святая Софія, говоритъ Диль въ монографіи о Юстиніанѣ (тоже самое повторено въ его *Manuel d'art byzantin* p. 141) является наилучшимъ типомъ византійскаго искусства въ томъ видѣ, какъ оно сложилось въ царствованіе Юстиніана и какъ оно послѣ него развивалось въ теченіе многихъ вѣковъ. И по правдѣ говоря, въ исторіи всего христіанскаго искусства быть можетъ нѣтъ ни одного зданія, которое бы равнялось съ нею по своему значенію. Святая Софія единственный въ своемъ родѣ памятникъ и обнаруживая наступленіе новаго стиля, она въ тоже время является и его апогеемъ (стр. 480). Если это такъ, если св. Софія была началомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей точкой византійскаго искусства, то все дальнѣйшее византійское искусство было только медленнымъ паденіемъ. Историкъ не можетъ оставить не отмѣченнымъ этотъ фактъ первостепенной важности.

Такъ называемый бунтъ Ника, довольно продолжительный и сложный, потрясшій Константинополь и едва не лишившій престола Юстиніана, изложенъ проф. Кулаковскимъ совершенно поверхностно. Одну изъ важнѣйшихъ причинъ народнаго возстанія онъ излагаетъ такими словами:



«Къ раздраженію, которое вносило соперничество димовъ, присоединилось недовольство двумя столпами Юстиніанова режима, префектомъ преторія Іоанномъ Каппадокійцемъ и квесторомъ двора Трибоніаномъ. Этому послѣдняго обвиняли въ корыстолюбіи и въ томъ, будто онъ въ угоду этой страсти насилывалъ законы и постоянно мѣнялъ ихъ по личнымъ мотивамъ. Отголоски этихъ зложелательныхъ слуховъ сохранились у Прокопія» (стр. 76). Можно подумать, что это были только неосновательные слухи. Самое важное извѣстіе авторъ привелъ въ примѣчаніи и не счелъ нужнымъ на немъ останавливаться. «Іоаннъ Лидіецъ, говоритъ онъ, съ возмущеніемъ и ужасомъ рассказываетъ о чудовищныхъ злоупотребленіяхъ Іоанна». Хольмсъ (р. 445), напротивъ, на первый планъ выставляетъ эти злоупотребленія министра и подробно на нихъ останавливается. Далѣе мы находимъ у проф. Кулаковскаго такіа отрывочныя свѣдѣнія: «Толпа повалила въ сторону гавани Юліана. Въ этомъ кварталѣ имѣлъ свой дворецъ Пробъ, племянникъ императора Анастасія, братъ Помпея. Народъ требовалъ отъ него оружія; раздавались изъ толпы крики: Проба римскимъ императоромъ, и кончилось тѣмъ, что подожгли его домъ, но скоро огонь былъ потушенъ, и домъ Проба уцѣлѣлъ». «Во дворцѣ среди другихъ патриціевъ, считавшихъ своимъ долгомъ находиться при особѣ императора, были также племянники императора Анастасія, Ипатій и Помпей. Вечеромъ въ пятый день возстанія Юстиніанъ потребовалъ, чтобы они удалились и настоялъ на этомъ, не смотря на ихъ протестъ. Въ ихъ упорствѣ Юстиніанъ увидѣлъ подтвержденіе своего подозрѣнія противъ нихъ. Была уже ночь, когда они вернулись въ свои дома». «Когда бунтарямъ стало извѣстно, что Ипатій находится въ своемъ домѣ, къ нему нагрянула толпа и овладѣла имъ. Тщетно жена Ипатія умоляла оставить ей мужа и не вести его на смерть. Толпа увела его на форумъ Константина. Тамъ облегли его въ пурпурное императорское одѣяніе и привѣтствовали радостными кликами, какъ императора. Съ Ипатіемъ былъ его братъ Помпей» (стр. 78—80). Въ изложеніи проф. Кулаковскаго очень много непонятнаго. На третій день возстанія толпа хочетъ сдѣлать императоромъ Проба, на пятый Ипатія. Бунтовщики, желающіе видѣть Проба императоромъ, въ тоже время поджигаютъ его домъ. Пробъ не имѣетъ ничего общаго со своимъ братомъ Ипатіемъ. Оба они пассивныя личности, ими распоряжается толпа, провозглашаетъ ихъ императорами помимо ихъ воли. Надо думать, что совсѣмъ не такъ протекалъ бунтъ, и жаль, что проф. Кулаковскій не заглянулъ въ одну маленькую и очень старую книжку. Около 60 лѣтъ тому назадъ проф. Цюрихскаго университета Шмидтъ написалъ специальное изслѣдованіе о возстаніи въ Константинополѣ при Юстиніанѣ, и оно всетаки остается лучшимъ до сихъ поръ (A. Schmidt. Der Aufstand in Constantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich 1854). Шмидтъ указалъ на тройкую оппозицію, направленную противъ Юстиніана: династическую племянниковъ Анастасія, считавшихъ себя оскорбленными вступленіемъ на престолъ Юстина, оппозицію церковныхъ

партій, вызванную злоупотребленіями правительственной власти, и религиозную оппозицію монофизитовъ противъ православія.

Всего удивительнѣе, что проф. Кулаковскій не пожелалъ воспользоваться ученой литературой, когда онъ приступилъ къ изложенію церковныхъ вопросовъ. Казалось бы, что въ этой спеціальной области работы предшественниковъ должны были значительно облегчить его трудъ. Но авторъ Исторіи Византіи отнесся съ величайшимъ презрѣніемъ къ богословамъ и не захотѣлъ пользоваться извѣстными Гефеле (*Concilien-geschichte*) и Гарнакомъ (*Dogmengeschichte*), обстоятельнымъ сочиненіемъ Кнехта (*A. Knecht. Die Religions-Politik Kaiser Justinians*), и прекрасными диссертациями нашихъ профессоровъ Н. Н. Глубоковского (Θεοδοριτῆς Κιπρρική) и А. Дьяконова (Ιωαννῆς Ἐφεσική). Въ главѣ о церковныхъ дѣлахъ (стр. 233—262) у него только одна ссылка на литературу по ничтожному поводу. Говоря о диспутѣ между монофизитами и православными, состоявшимся по инициативѣ Юстиніана, проф. Кулаковскій пишетъ въ примѣчаніи: «Лоофсъ въ своемъ изслѣдованіи *Leontios von Byzanz* отстаиваетъ 531 годъ (вмѣсто 533-го), хотя эта датировка ровно ничего не уясняетъ въ личной исторіи монаховъ. Лоофсъ отождествляетъ Леонтія, помянутаго въ отчетѣ о диспутѣ, съ тѣмъ скиѣскимъ монахомъ, который ѣздилъ въ Римъ вмѣстѣ съ другими въ 519 г.» (стр. 235). Прежде всего бросается въ глаза, что въ текстѣ проф. Кулаковскій ни о какомъ Леонтиѣ, принимавшемъ участіе въ диспутѣ, не говоритъ, и читатель недоумѣваетъ, зачѣмъ ему знать, что какой-то Леонтій отождествляется или не отождествляется съ какимъ-то другимъ Леонтиемъ? Леонтій Византійскій, которому посвятилъ свою работу Лоофсъ, былъ выдающимся богословомъ и крупной личностью, и очень жаль, что проф. Кулаковскій не отвелъ ему мѣста въ своей исторіи. Послѣ Лоофса написалъ книгу о Леонтиѣ Рюгамеръ (*W. Rügamer. Leontius von Byzanz. Würzburg 1894*), въ которомъ онъ разобралъ всѣ спеціальныя вопросы сюда относящіяся и между прочимъ опровергаетъ отождествленіе византійскаго Леонтія съ скиѣскимъ Леонтиемъ. Подробно говорятъ объ этомъ диспутѣ и Кургановъ (стр. 543—547) и проф. Глубоковскій (стр. 313—315), послѣдній останавливается и на хронологіи и на Леонтии Византійскомъ.

Если бы проф. Кулаковскій воспользовался сочиненіемъ Кнехта, ему легко было бы сгруппировать весь матеріалъ, разбросанный у него по разнымъ мѣстамъ, и избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Слѣдя Евagriю, авторъ пишетъ: «Изложивъ ученіе о нетлѣнности тѣла Христова въ эдиктѣ на имя патріарха, онъ потребовалъ отъ него подписи. Тщетно патріархъ Евтихій просилъ императора взять назадъ свой еретическій эдиктъ. Юстиніанъ твердо стоялъ на своемъ и, встрѣтивъ отпоръ со стороны патріарха, изложилъ его и сослалъ въ Амасію» (стр. 261). Кнехтъ доказалъ, что обвиненіе Юстиніана въ ереси аѳтартодокетизма основано на недоразумѣніи и что Евтихій смѣщенъ былъ вовсе не потому, что противился еретическому указу императора. Кромѣ того авторъ сооб-

щаетъ намъ, что Юстиніанъ склонился на сторону гайанитовъ. На предшествующей страницѣ (стр. 260) было сказано, что монофизитская церковь Египта была по прежнему раздѣлена на два враждебныхъ лагеря по вопросу о природѣ тѣла Христова: одни придерживались мнѣнія Севера, другіе Юліана. Первые считали своимъ патріархомъ Θεодосіа, вторые отъ имени соперника Θεодосіа Гайана назывались гайанитами. Чтобы навести надлежащую справку, надо разыскать главу о царствованіи Юстина и прочесть тамъ слѣдующее: Северъ признавалъ тѣло Иисуса Христа тлѣннымъ (φθαρτός). Юліанъ отстаивалъ свое положеніе о нетлѣнности тѣла Христова (стр. 14).

Въ главѣ о церковныхъ дѣлахъ проф. Кулаковскій сообщаетъ намъ множество мелочей и пропускаетъ самое важное. Онъ рассказываетъ, что по старому обычаю преемникъ почившаго александрійскаго патріарха долженъ былъ стать у гроба почившаго и возложить себѣ на голову его руку, а совершивъ погребеніе, возложить на себя омофоръ св. Марка (стр. 240). Онъ сообщаетъ намъ, что патріархъ Анеимъ обмѣнялся съ находившимся въ столицѣ Северомъ синодальной грамотой, и Захарія сохранилъ намъ текстъ его письма и отвѣтъ Севера (стр. 239). О содержаніи писемъ мы ничего не узнаемъ и не безъ удивленія спрашиваемъ себя, за чѣмъ намъ нужно знать, что Захарія сохранилъ эти письма, если они такъ незначительны, что проф. Кулаковскій могъ ими пренебречь. Даже самыми баснословными свѣдѣніями авторъ считаетъ полезнымъ подѣлиться съ нами. На стр. 259 мы читаемъ: «Яковъ Барадей продолжалъ свою энергичную дѣятельность. Тщетно правительство изощрялось въ способахъ оградить восточныя области отъ миссіонерской дѣятельности Якова. По примѣру апостоловъ онъ ходилъ пѣшкомъ по всему пространству своей огромной паствы, появлялся вездѣ и повсюду былъ неуловимъ. За все время своей дѣятельности онъ посвятилъ 27 епископовъ и болѣе 100 тысячъ пресвитеровъ». Если Яковъ посвящалъ по одному духовному лицу въ день, ему понадобилось бы 274 года, и затѣмъ спрашивается, сколько же было въ Азіи монофизитовъ, если имъ нуженъ былъ клиръ въ 100 тысячъ человекъ? Откуда почерпнулъ авторъ такую чудовищную цифру, неизвѣстно. Онъ ссылается на Іоанна Ефесскаго (Сомп. р. 164), но тамъ я нашелъ только, что Яковъ посвятилъ 27 епископовъ и большое количество священниковъ (magnumque numerum sacerdotum). На основаніи того же Іоанна Ефесскаго авторъ рассказываетъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго стеченія молящихся во время церковнаго служенія провалился полъ и то обстоятельство, что никто не былъ задавленъ на смерть, было истолковано, какъ знаменіе Божьяго благоволенія и свидѣтельство истины монофизитскаго ученія о второмъ лицѣ св. Троицы (стр. 238). Но тутъ пропущены самыя важныя слова Іоанна Ефесскаго, что Юстиніанъ сочувствовалъ монофизитамъ. О Константинопольскомъ патріархѣ Анеимѣ находимъ у проф. Кулаковскаго слѣдующее: «Подготовленное заранѣе возведеніе Анеима на константинопольскую

каедрѣ вызывало подозрѣніе въ средѣ константинопольскаго монастыря, относившагося съ недоувѣріемъ къ его правовѣрью. Монахи имѣли свѣдѣнія о его сношеніяхъ съ монофизитами. Они потребовали отъ него публичнаго исповѣданія вѣры по Халкидонскому вѣроопредѣленію, но Анепмъ не удовлетворилъ ихъ желанія (стр. 239). Папа Агаптъ (пріѣхавъ въ Константинополь) не допустилъ къ себѣ представителей патріарха Анепма и потребовалъ отъ императора немедленнаго удаленія его на каедрѣ города Трапезунта, которую онъ раньше занималъ. Съ формальной стороны это требованіе не подлежало спору, такъ какъ каноны Никейскаго собора воспрещали переходъ епископа съ одной каедрѣ на другую. Юстиніанъ подчинился авторитету папы и предоставилъ ему избрать и посвятить преемника Анепму» (стр. 241). Изъ изложенія проф. Кулаковскаго не видно, почему папа обошелся такъ сурово съ Анепмомъ и не желалъ входить съ нимъ въ духовное общеніе. Онъ конечно не обратилъ бы вниманія на формальную неправильность, если бы Анепмъ не былъ еретикомъ, монофизитомъ, проклинавшимъ Халкидонскій соборъ. Въ возведеніи Анепма нельзя не видѣть вліянія Θεодоры и симпатіи самого Юстиніана къ монофизитамъ. Императоръ сдался не сразу, а послѣ борьбы съ папой, котораго поддерживала православная столичная партія (Knescht p. 112—113). Пользованіе литературой помогло бы автору ставить факты въ надлежащую связь. Такъ напр. рассказывая о сопротивленіи, оказанномъ епископомъ кареагенскимъ Репаратомъ эдикту Юстиніана, осуждающему такъ называемыя три главы, проф. Кулаковскій говоритъ: «Одновременно начались преслѣдованія упорствующихъ. Вызванный изъ Кареагена епископъ Репаратъ былъ низложенъ и сосланъ въ Евхаиты, гдѣ и скончался чрезъ нѣсколько лѣтъ. Помимо несогласія съ эдиктомъ противъ Репарата было возбуждено обвиненіе въ причастности къ убійству Ареобинда» (стр. 255). Спрашивается, зачѣмъ нужно было обвинять Репарата въ убійствѣ, въ которомъ онъ не былъ виноватъ? У Гефеле читаемъ: послѣ того какъ не удалось склонить кареагенское духовенство подписаться подъ анафематствованіемъ трехъ главъ, Репарата обвинили въ томъ, что онъ былъ истинной причиной убійства императорскаго *magister militum*, совершеннаго Гунтаритомъ, и на основаніи этого обвиненія Репаратъ былъ лишенъ каедрѣ и имущества и отправленъ въ ссылку (*Conciliengeschichte* II, 834—835). Извѣстныя пособія спасли бы автора отъ нѣкоторыхъ фактическихъ неточностей. Дата втораго папскаго *Constitutum* не 8 декабря 553 г. (стр. 257), а 23 февраля 554 г. (Глубоковскій I, 343, Knescht, p. 138), 42-я новелла Юстиніана издана не 13 августа 536 г. (стр. 242), а 6 августа (Hefele II, 773).

Проф. Кулаковскій, какъ филологъ, повидмому мало знакомъ съ церковными вопросами. Онъ употребляетъ такія неподходящія выраженія, какъ постривженіе въ клиръ (стр. 40), и сообщаетъ намъ свѣдѣнія объ одной довольно странной комиссіи. По поводу изложенія александрійскаго патріарха Павла, проф. Кулаковскій пишетъ (стр. 247): «Императоръ

Юстиніанъ поручилъ разсмотрѣть его дѣло въ спеціальной комиссіи изъ патріарховъ антїохійскаго Ефрема, іерусалимскаго Петра, вліятельнаго епископа Евсевія, Ипатія ефесскаго и діакона Пелагія, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при дворѣ. Комиссія имѣла свои засѣданія въ Газѣ и, разобравъ жалобы на Павла, приговорила его къ низложенію» (543 г.). Впервые узнаемъ мы, что въ Византіи существовали какія-то комиссіи, имѣвшія право низлагать патріарховъ. Дѣло Павла подробно излагаетъ Дикампъ, и рѣчь у него идетъ конечно не о комиссіи, а о соборѣ, который собирався въ Газѣ и который онъ приурочиваетъ не къ 543, а къ Пасхѣ 542 г. (Diekamp. Die origenistischen Streitigkeiten, p. 43—45).

Существенную пользу могла бы принести проф. Кулаковскому диссертация проф. Дьяконова (Іоаннъ Ефесскій и его церковно-историческіе труды. Спб. 1908). Рассказывая о раздорахъ, происшедшихъ въ нѣдрахъ монофизитской церкви при Юстинѣ II, о тритезмѣ и его противникахъ, проф. Кулаковскій ничего не говоритъ о сущности спора. Онъ замѣчаетъ только, что Іоаннъ, по прозвищу Аскоснагу, началъ развивать особое ученіе о лицахъ св. Троицы, которое впоследствии получило названіе тритезма. Въ чемъ заключалось это особое ученіе, мы изъ книги проф. Кулаковскаго не узнаемъ. Но проф. Дьяконовъ подробно разъясняетъ, въ чемъ заключалась тритезская ересь (стр. 126 сл.). Въ разбираемой нами Исторіи Византіи мы находимъ слѣдующія строки, отличающіяся лѣтописнымъ характеромъ: «Предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова 578 года попалъ въ заточеніе вмѣстѣ съ другими членами своей церкви Іоаннъ Ефесскій, многократно подвергавшійся этой мѣрѣ внушенія. Онъ провелъ вмѣстѣ съ своими клириками праздникъ Рождества Христова въ домѣ предварительнаго заключенія (cancelli). Послѣ 1 января ихъ перевели въ тюрьму, откуда водили въ теченіе 18 дней на увѣщаніе. Іоаннъ хранилъ молчаніе и не вступалъ ни въ какія собесѣдованія. Наконецъ онъ былъ отпущенъ и долженъ былъ покинуть столицу. Скоро однако Іоаннъ былъ опять въ столицѣ и велъ сношенія съ Мундаромъ» (стр. 406). При чтеніи приведенныхъ строкъ удивляешься, что въ Византіи былъ отдѣльный отъ тюрьмы домъ предварительнаго заключенія, но оказывается, что авторъ не точно передалъ нѣмецкій переводъ церковной исторіи Іоанна Ефесскаго (p. 110), гдѣ говорится только объ одной тюрьмѣ, называемой cancellus. Проф. Дьяконовъ пользовался сирійскимъ текстомъ Іоанна Ефесскаго и у него читаемъ слѣдующее: «Іоаннъ и всѣ иже съ нимъ, т. е. вѣроятно его сотрудники по управленію монастыремъ сирійцевъ, были арестованы и посажены въ тюрьму именуемую Рѣшетчатой. Они прожили тамъ 18 дней въ холодную зимнюю пору, время заключенія совпало съ праздникомъ Рождества. Сначала патріархъ сдѣлалъ попытку подѣйствовать на монофизитовъ убѣжденіемъ, каждый день утромъ и вечеромъ къ нимъ приходили епископы, митрополиты и экклезіасты для богословской дискусіи, но заключенные съ дерзновеніемъ отражали всѣ ихъ аргументы. Іоанну предложено было покинуть столицу. Что было съ

Іоанномъ послѣ этого, онъ не говоритъ. Высылка изъ столицы почему-то не состоялась, по крайней мѣрѣ въ февралѣ 580 года Іоаннъ несомнѣнно былъ въ Константинополѣ и не видно, чтобы передъ этимъ онъ выѣзжалъ оттуда» (стр. 113—115).

Отвергнувъ ученія пособія, проф. Кулаковскій пишетъ почти исключительно по первоисточникамъ, то пересказывая ихъ, то сокращая, вполнѣ довольствуясь тѣми свѣдѣніями, которыя онъ находитъ въ византійскихъ хроникахъ, не стараясь ихъ дополнить и провѣрять. Прокопій рассказываетъ слѣдующее о цанахъ: Незадолго передъ тѣмъ римляне покорили народъ цановъ, которые издревле населяли римскую землю и управлялись своими законами. Страну эту (раньше указаны границы) первоначально заселяли цаны, которые назывались въ прежнее время санами и не были никому подвластны. Они грабили сосѣдственныхъ римлянъ, вели жизнь самую суровую и занимались разбоемъ; земля ихъ не производитъ ничего потребнаго къ ихъ продовольствію. Царь римскій посылалъ имъ ежегодно опредѣленное количество золота для удержанія ихъ отъ грабежа, и хотя они клялись по своему закону не грабить римлянъ, однако, забывая клятвы, нападали неожиданно на армянскія и на смежныя съ ними римскія области, разоряя ихъ до самаго моря. По кратковременномъ набѣгѣ они немедленно возвращались домой. Иногда, встрѣчаясь съ римскимъ войскомъ, они терпѣли уронъ, но неприступность мѣста была причиною, что они не могли быть истреблены совершенно. Еще до этой войны они были побѣждены въ сраженіи Ситтою, который ласковыми словами и кроткимъ обращеніемъ успѣлъ покорить ихъ римской державѣ. Переменивъ дикій образъ жизни, они записывались въ римскіе полки и съ того времени служили въ римскомъ войскѣ и участвовали въ походахъ противъ его непріятелей. Они оставили свою вѣру, обратились къ благочестію и сдѣлались всѣ христіанами. Такимъ образомъ были устроены дѣла цановъ. (Перс. война I 15, перев. Дестуниса I, 189—199). Вслѣдъ за Прокопіемъ проф. Кулаковскій пишетъ: Ко времени Юстиніана цанны не признавали надъ собою ни чьей власти, получали денежные дары какъ отъ имперіи, такъ и отъ персидской державы, но поддаваясь своимъ разбойничьимъ инстинктамъ, нерѣдко выходили изъ своихъ горныхъ тущобъ на грабежъ сосѣдей. Ситта сумѣлъ смирить этотъ дикій народъ, и цанны признали обязательство ставить свои ополченія подъ знамена императора (стр. 55). Въ примѣчаніи авторъ сообщаетъ, что свѣдѣніе Юстиніана о прошлыхъ судьбахъ цанновъ раздѣлялъ и Прокопій, а что Агаѳія былъ лучше освѣдомленъ объ этомъ. Освѣдомленность Агаѳіи тоже не очень велика, и авторъ повидному хотѣлъ этимъ сказать, что и для насъ цаны остаются загадкой. Однако 36 лѣтъ тому назадъ Дестунисъ написалъ обширное примѣчаніе о цанахъ, сопоставилъ разные мѣста Прокопія и другихъ византійскихъ писателей, указалъ на то, что греческое τζ произносится какъ ц, ч, и дж и что существуетъ отуречен-

ное племя джаны. Точно также говоря объ абазгахъ (стр. 188), авторъ не задается вопросомъ, современные ли это абхазы или нѣтъ?

Менандръ сохранилъ мирный договоръ, заключенный съ Персіей при Юстиніанѣ, и проф. Кулаковскій довольствуется тѣмъ, что передаетъ 12 пунктовъ (всѣхъ 13) этого важнаго и рѣдкостнаго документа, не дѣлая никакой попытки ихъ истолковать, и излагаетъ греческій текстъ мѣстами не вразумительно. Арабы союзники той и другой державы, пишетъ авторъ, должны были оставаться въ прежнихъ условіяхъ (стр. 206). Менандръ выражается гораздо опредѣленнѣе. По второму пункту договора, говоритъ онъ, сарацины, союзники той и другой державы обязаны также соблюдать этотъ договоръ, союзники персовъ не нападать на ромэевъ и союзники ромэевъ не нападать на персовъ (р. 360). Персія, говоритъ проф. Кулаковскій, признавала существованіе Дары, но обѣ державы принимали обязательство не возводить новыхъ укрѣпленій въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ Персія могла бы не признавать существованіе византійской крѣпости Дары? По 8-му пункту договора византійцамъ предоставлено право укрѣплять Дару и къ этому необходимо присоединить 10-й пунктъ, опущенный проф. Кулаковскимъ, именно: византійцы не имѣли права держать въ Дарѣ больше войска, чѣмъ требовалось для обороны крѣпости (р. 362). Одна статья договора, приведенная авторомъ, мало понятна. Подданные той и другой державы, переходящіе въ чужіе предѣлы въ военное время, имѣютъ право возвратиться по наступленіи мира; во время мира такой переходъ не дозволяется и считается измѣной; обѣ стороны обязуются не принимать измѣнниковъ. Казалось бы наоборотъ, людей, перебѣжавшихъ къ врагу во время войны, слѣдуетъ называть измѣнниками, и у Менандра объ измѣнѣ ничего не говорится (р. 361). Невольно напрашивается вопросъ, не имѣлись ли въ виду крѣпостные, и ихъ то запрещено было принимать договаривающимся сторонамъ во время мира?

Проф. Кулаковскій передаетъ источники почти безъ всякой критики. Вотъ напр. какой странный рассказъ находимъ мы въ его исторіи: «Раздѣленные между Персіей и имперіей арабы были въ постоянной враждѣ. Еще съ 502 года филархъ Ареѳа состоялъ въ союзѣ съ имперіей, и это до извѣстной степени обезпечивало границы имперіи отъ нашествій. Враждовавшій съ нимъ Аламундаръ напалъ на него и убилъ. Дуксы Евфратизіи и Финикии, по приказанію императора, соединили свои силы и вмѣстѣ съ другими филархами арабовъ направились противъ Аламундара (стр. 56). Это взято изъ Малалы (р. 434). На слѣдующей страницѣ читаемъ: «Въ заботахъ объ обезпеченіи мира на сирійской границѣ Юстиніанъ послѣ смерти Ареѳы положилъ начало новымъ отношеніямъ къ филархамъ подвижнаго и тревожнаго арабскаго племени. Персидскіе арабы были объединены подъ царскою властью. Юстиніанъ воспользовался этимъ примѣромъ и предоставилъ одному изъ филарховъ, Ареѳѣ, сыну Габалы, царскую власть надъ соплеменниками въ предѣлахъ Сиріи,

призналъ за нимъ титулъ царя и ввелъ его въ составъ имперской знати, давъ ему санъ патриція» (стр. 57). Это взято у Прокопія. Тутъ бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Былъ филархъ Ареѳа, затѣмъ онъ былъ убитъ Аламундаромъ, но сей часъ же послѣ того появляется новый Ареѳа. Разсказъ Малалы проф. Кулаковскій связалъ съ разсказомъ Прокопія словами: послѣ смерти Ареѳы. Онъ не обратилъ вниманія на то, что у Малалы въ данномъ мѣстѣ очевидная путаница. Малала сообщаетъ, что филархъ Ареѳа былъ убитъ Аламундаромъ, а вслѣдъ затѣмъ, что филархъ Ареѳа отправился противъ Аламундара съ дуксами Евфратизин и Финикии. Надо думать, что у Малалы и у Прокопія рѣчь идетъ о томъ же самомъ событіи, во всякомъ случаѣ о томъ же самомъ Ареѳѣ. И называли его Ареѳой только по недоразумѣнію, такъ какъ византіяне не умѣли правильно передавать восточныя имена. Филархъ Ареѳа это Харетъ-баръ-Габала, князь арабскаго племени Ассантъ, прославившійся своими побѣдами надъ персидскими арабами племени Хира. Объ Аламундарѣ проф. Кулаковскій говоритъ, что онъ умеръ въ 554 г.; затѣмъ онъ сообщаетъ, что преемникомъ его былъ Амбръ (стр. 354), тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько страницъ послѣ этого въ царствованіе Юстина II вновь появляется царь персидскихъ арабовъ Аламундаръ (стр. 360). Далѣе рѣчь идетъ о Мундарѣ, сынѣ Ареѳы (стр. 363, 384, 385, 393, 406, 425). Это Мундаръ-баръ-Харетъ. Аламундаръ и Мундаръ конечно одно и тоже имя, Прокопій и Теофилактъ Симокаттъ (р. 146) пишутъ Аламундаръ, Іоаннъ Ефесскій Мундаръ, а проф. Кулаковскій, смотря по тому, какой передъ нимъ лежитъ источникъ. Г. Дьяконовъ предполагаетъ, что Іоаннъ Ефесскій по примѣру грековъ произносилъ такъ арабское имя ал-Муизиръ (стр. 116). Объ этомъ Мундарѣ проф. Кулаковскій сообщаетъ слѣдующее: Мундаръ былъ принятъ съ большою честью императоромъ Тиберіемъ, который обласкалъ его милостивымъ вниманіемъ и съ цѣлью привлечь его къ себѣ и имѣть въ немъ опору въ борьбѣ съ персами, предоставилъ ему новыя почести. Мундаръ, какъ и его отецъ Ареѳа, пользовался титуломъ патриція. Какъ царь арабовъ, онъ носилъ діадему. Тиберій предоставилъ ему равный съ собою почетъ: возложилъ на него царскій вѣнецъ и предоставилъ это отличіе двумъ его сыновьямъ, которыхъ тотъ привезъ съ собою въ Константинополь (стр. 413). Византіяне не хотѣли называть царемъ германскаго императора, и неправдоподобно, чтобы такія почести были оказаны арабскому царьку. Во всякомъ случаѣ о поднесеніи царскаго вѣнца сыновьямъ Мундара Іоаннъ Ефесскій, на котораго ссылается проф. Кулаковскій, не говоритъ, и это просто не точный переводъ (Joh. von Ephesus p. 170. Darauf fand der Einzug des löblichen Mandar statt, wobei er vom gnädigen Kaiser Tiberius mit groszem Pomp und unsäglicher Ehrenbezeugung empfangen wurde. Mit herrlichen Ehrengeschenken und Spenden und mit kaiserlichen Gaben ehrte er ihn und that ihm Alles, was er wollte, und gab ihm Alles, was er nur immer verlangte. Auch seine beiden Söhne, die bei ihm waren, ehrte er und würdigte ihn



auch der Königskrone. И обоихъ его сыновей, находившихся при немъ, онъ почтилъ, а также удостоилъ его королевскаго (или царскаго) вѣнца). Можетъ быть Іоаннъ Ефесскій говорить о вѣнцѣ кесаря, а не царя.

Проф. Кулаковскій очень часто буквально передаетъ то, что онъ вычиталъ въ источникахъ, хотя смыслъ передаваемыхъ имъ словъ неясенъ, и иногда очень неискусно переставляетъ фразы византийскаго источника. У Прокопія на одной страницѣ читаемъ мы слѣдующія два извѣстія, не имѣющія между собой ничего общаго: Часть долины (простирающейся до Кавказскихъ горъ) на пространствѣ трехъ дней ходьбы состоитъ подъ властью римлянъ; затѣмъ слѣдуютъ границы Персарменійскія, гдѣ золотые рудники. Управление ими поручено было Кавадомъ одному изъ тамошнихъ жителей, по имени Симеону, который вида, что война между двумя государствами была во всей силѣ, рѣшился лишить Кавада получаемаго дохода. Поэтому-то передавъ римлянамъ и самого себя и Фарангій, онъ не хотѣлъ ни той ни другой сторонѣ уступить добываемаго изъ рудника золота. Около того времени Нарзесъ и Аратій, которые въ началѣ войны имѣли съ Велисаріемъ и Ситтою дѣло въ области Персарменійской, перешли къ римлянамъ. Они были приняты царскимъ казначеемъ (τραπεζίτης) Нарсесомъ, который тоже былъ родомъ изъ Персарменіи, и осыпаны подарками. Извѣстясь о томъ, младшій братъ ихъ Исаакъ вступилъ тайно въ сношенія съ римлянами и сдалъ имъ Болъ (Βόλον), крѣпость, лежащую не далеко отъ Θεοδοσιόποля (Перс. война, I, 15, перев. Дестуниса I, 200—201). Проф. Кулаковскій передаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Вскорѣ послѣ того недавніе побѣдители Велизарія и Ситты, Нарзесъ и Аратій, перешли въ подданство императора. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ чиновникъ финансоваго вѣдомства Нарзесъ, который обмѣнялся съ ними клятвой вѣрности и выдалъ имъ щедрое вознагражденіе. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Θεοδοσιόποля, по близости отъ земли цанновъ, были золотыя россыпи, для охраны которыхъ было сооружено укрѣпленіе Фарангій. Разрабатывавшій эти россыпи отъ имени царя Кавада нѣкто Симеонъ сдалъ крѣпость Ситтѣ, удержавъ золото въ свою пользу. Младшій братъ Нарзеса и Аратія Исаакъ, узнавъ о переходѣ братьевъ на службу императору, послѣдовалъ ихъ примѣру и сдалъ Ситтѣ укрѣпленіе Болонъ, находившееся также недалеко отъ Θεοδοσιόποля» (стр. 59). Связный рассказъ Прокопія объ измѣнѣ трехъ братьевъ авторъ зачѣмъ-то раскололъ на двѣ половины и вставилъ эпизодъ о Симеонѣ. Слова Прокопія онъ нѣсколько видоизмѣнилъ, назвавъ казначея чиновникомъ финансоваго вѣдомства и прибавивъ отъ себя, что Нарзесы обмѣнялись клятвой вѣрности. Мѣсто о сдачѣ Фарангія у Прокопія неясно, а въ передачѣ проф. Кулаковскаго перестало быть вѣрнымъ. Фарангій Прокопій не называетъ укрѣпленіемъ, и изъ его словъ можно вывести заключеніе, что такъ называлась мѣстность, гдѣ находились золотыя прииски.

Иногда, чтобы понять изложеніе проф. Кулаковскаго, необходимо

взять въ руки источники, откуда онъ почерпалъ свои свѣдѣнія. Объ Арменіи въ царствованіе Юстиніана читаемъ слѣдующее: «Симеонъ, взысканный милостями императора за сдачу крѣпости Фарангія Ситтѣ во время войны съ персами, вызвалъ противъ себя неудовольствіе своихъ соплеменниковъ и былъ убитъ сыновьями Пероза, которые бѣжали затѣмъ къ персидскому двору. Постъ убитаго Симеона Юстиніанъ предоставилъ его племяннику Амазаспу. Противъ него началъ интриговать другой знатный армянинъ, по имени Акакій. Онъ сдѣлалъ доносъ въ Константинополь, будто Амазаспъ находится въ сношеніяхъ съ персами и замышляетъ сдать имъ городъ Θεοδοσιόπολις. Императоръ отнесся съ довѣріемъ къ сообщеніямъ Акакія и съ его разрѣшенія Амазаспъ былъ убитъ и его мѣсто въ управленіи страной занялъ Акакій» (стр. 134). Тутъ много неясного, мы не знаемъ, какой постъ занималъ Симеонъ, за что его убили, почему Амазаспъ могъ сдать персамъ Θεοδοσιόπολις и какое мѣсто занималъ Акакій? У Прокопія дѣло изложено всетаки яснѣе. Онъ говоритъ (перс. войн. II, 3): Симеонъ выпросилъ у царя Юстиніана какія-то принадлежавшія нѣкоторымъ армянамъ селенія (κώμης). Онъ владѣлъ уже ими, когда былъ убитъ по кознямъ прежнихъ владѣльцевъ. Когда было о томъ донесено императору, онъ отдалъ селенія племяннику Симеонову Амазаспу, котораго поставилъ начальникомъ (ἄρχοντα) армянъ. Затѣмъ Акакій коварно умертвилъ Амазаспа по волѣ царя и получилъ отъ него въ управленіе Арменію (τῶν Ἀρμενίων ἀρχήν). Далѣе авторъ сообщаетъ на основаніи 31-й новеллы, что Юстиніанъ провелъ административную реформу въ армянскихъ областяхъ и что первая Арменія была предоставлена въ управленіе Акакію съ званіемъ проконсула. Но въ немногихъ строкахъ, извлеченныхъ изъ этой новеллы, опять таки не мало неяснаго. «Четыре армянскихъ провинціи, говоритъ проф. Кулаковскій, были соединены попарно съ ранговымъ отношеніемъ правителей» (стр. 135). Это значитъ, что двѣ Арменіи были spectabiles, а правители двухъ остальныхъ ordinarii. Θομα былъ назначенъ правителемъ не четвертой Арменіи, какъ пишетъ авторъ, а третьей. Вслѣдъ затѣмъ проф. Кулаковскій рассказываетъ слѣдующее: «Акакій старался увеличить доходы казны отъ области, состоявшей въ его управленіи, и довелъ ихъ до 400 фунтовъ золота въ годъ. Противъ него составилъ заговоръ, онъ былъ убитъ. Юстиніанъ послалъ Ситту устроить дѣла въ Арменіи, и Ситта началъ съ облегченія податнаго бремени. Но императоръ воспротивился этому по проискамъ Адолія, сына Акакія, и Ситтѣ пришлось водворять порядокъ военной силой» (стр. 135). Спрашивается, какимъ же образомъ Ситта могъ облегчить податное бремя противъ воли царя, когда только царь имѣлъ право увеличивать и уменьшать подати? Обратившись къ первоисточнику, т. е. къ Прокопію, мы узнаемъ, что Ситта, прибывъ въ Арменію, дѣйствовалъ оружіемъ слабо и обѣщалъ жителямъ склонить царя къ освобожденію ихъ отъ наложенной на нихъ новой подати, но такъ какъ царь, побуждаемый доносами Адолія, выговаривалъ Ситтѣ за

его медленность, то Ситта началъ приготовляться къ нападенію (Перс. войн. I, 3).

Авторъ до такой степени прикрѣпленъ къ своимъ источникамъ, что очень часто не въ силахъ измѣнить ихъ лѣтописнаго изложенія на болѣе систематическое. Вотъ напр. какъ излагается имъ одинъ эпизодъ войны съ Персами въ Лазикѣ въ царствованіе Юстиніана. «Юстиніанъ милостиво принялъ посольство Лазовъ и отпустилъ на царство Тдаеія. Въ свитѣ новаго царя прибылъ сенаторъ Александръ (не Александръ, а Аѳанасій), которому было поручено разслѣдовать дѣло объ убійствѣ Губаза. Онъ немедленно заточилъ въ тюрьму Рустика и Іоанна и началъ слѣдствіе по ихъ дѣлу» (стр. 199). Далѣе идетъ рассказъ о нападеніи перса Нахорагана и затѣмъ черезъ двѣ страницы мы читаемъ продолженіе о разслѣдованіи Аѳанасія: «Такъ благополучно для лазовъ и имперіи кончилось грозное по началу нашествіе Нахорагана. Между тѣмъ сенаторъ Аѳанасій, закончивъ слѣдствіе объ убійствѣ Губаза, нарядилъ судъ, обставивъ его съ возможной торжественностью и всѣми формальностями, какія примѣнялись въ судебной практикѣ въ Константинополѣ» (стр. 202). Дѣйстви-тельно въ такомъ хронологическомъ порядкѣ излагаетъ событія Агаѳея, не задававшійся цѣлью писать даже самую элементарную съ нашей точки зрѣнія исторію, т. е. прагматическую. Онъ переходитъ къ суду надъ Губазомъ такими словами: такъ война окончилась для римлянъ побѣдой и тогда кончился судъ надъ Губазомъ (Agath. p. 206). По словамъ Агаѳея Аѳанасій могъ, пользуясь варварскимъ обычаемъ, приказать устранить убійцу царя Губаза, но лазы не сочли бы это достаточнымъ для себя удовлетвореніемъ; поэтому онъ рѣшилъ судить ихъ въ той торжественной обстановкѣ, которая нагоняетъ страхъ даже на константинопольскихъ гражданъ, тѣмъ болѣе на варваровъ, къ такому зрѣлищу непривыкшихъ. «Вотъ почему думаю я былъ наряженъ римскій судъ на Кавказѣ» (Agath. 208). У Агаѳея очень понятно это указаніе на римскій судъ, за-сѣдавшій среди варваровъ, вмѣсто того, чтобы отомстить принятымъ у кавказцевъ способомъ. Но когда проф. Кулаковскій рассказываетъ, что византійскій сенаторъ судилъ со всѣми формальностями, какія примѣнялись въ Константинополѣ, это представляется излишнимъ, потому что Аѳанасій и не могъ судить иначе.

О походѣ Филиппка въ царствованіе Маврикія проф. Кулаковскій говоритъ: Прибывъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, Филиппикъ занялся усиленіемъ оборонительныхъ средствъ сооруженнаго Маврикіемъ укрѣпленія Монокарта, который былъ тогда же переименованъ въ Тиверіополь (стр. 427). А на слѣдующей страницѣ забывъ о томъ, что имъ только что написано, и буквально повторяя Θεοφιλάκτα Σιμοκάττα, онъ говоритъ: Монокартъ, укрѣпленія котораго были усилены въ прошломъ году, персамъ не удалось взять (Theoph. Simoc. ed. De Boor p. 67 τῆς ὁ στρατιῶνος τῆ παρωχικῆς ἐμαυτῶ γεγενηκότα τὰ τεῖχη ἀνέρρωσε).

Слѣпо слѣдуя источникамъ, авторъ не задумываясь буквально перево-

дпть непонятныя слова. Когда у императора Маврикія родился сынъ, народъ въ ипподромѣ привѣтствовалъ радостными клѣпками счастливаго отца и взывалъ: На счастье Богъ далъ тебѣ сына! Ты насъ освободилъ отъ рабства многимъ (стр. 423). Что значитъ рабство многимъ, осталось не объясненнымъ. Иногда греческій текстъ лучше передаетъ какой-нибудь фактъ, чѣмъ это дѣлаетъ проф. Кулаковскій. «Во время остановки на рѣкѣ Забѣ, рассказываетъ онъ, Хозрой задалъ большой пиръ, на который были приглашены всѣ римскіе и персидскіе офицеры. По персидскому этикету за обѣдомъ въ присутствіи царя всѣ хранили молчаніе. Торжественность этого пира Хозрой ознаменовалъ казнью перса Бризакія. Онъ былъ посланъ Вахрамомъ слѣдить за движеніемъ арміи Хозроя, но, былъ схваченъ, изуродованъ и въ этомъ видѣ посланъ къ Хозрою. Его водили по обѣденной залѣ, и Хозрой нѣмымъ жестомъ приказалъ его убить (стр. 440—441). Можно подумать, что въ программу пировъ у персовъ входила казнь и что жесты бывають не нѣмые. Это просто неудачный переводъ съ греческаго. Симокаттъ говоритъ, что во время обѣда привели Бризакія, и Хозрой доставилъ своимъ гостямъ обѣденное зрѣлище (т. е. зрѣлище побѣды надъ врагомъ), а затѣмъ безсловеснымъ повелѣніемъ, жестомъ руки приказалъ своимъ оруженосцамъ предать его казни, такъ какъ у персовъ не полагалось разговаривать во время обѣда (р. 198).

Довольствуясь тѣмъ, что находятъ онъ въ томъ или иномъ источникѣ и передавая эти извѣстія по большей части безъ всякой критики, проф. Кулаковскій не обратилъ вниманія на довольно странное обстоятельство, что нѣкій персъ Мебодъ появляется въ его исторіи много разъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Это какой-то безсмертный Мебодъ. Въ царствованіе Юстина Византія вела мирные переговоры съ Персіей, «Уполномоченными, говоритъ проф. Кулаковскій, въ комиссію для выясненія спорныхъ вопросовъ и выработки трактата мирнаго договора были назначены съ римской стороны Ипатій, Патрикій и Руфинъ. Съ персидской стороны то былъ высшій сановникъ въ царствѣ Сезоисъ и военачальникъ Мебодъ» (стр. 24). Эти слова позаимствованы у Прокопія, который говоритъ: ἐκ Περσῶν δὲ ἀνὴρ δυνατώτατος τε καὶ ἐξουσία πολλῆ ἡρώμενος, ὄνομα μὲν Σεόσις, Ἀδρασταδραχναλάνης δὲ τὸ ἄξιωμα καὶ Μεβόδης, τὴν μακίστρου ἔχων ἀρχήν (Bell. pers. I, 11). Захарія сообщаетъ, что царь персидскій Кавадъ послалъ для веденія мирныхъ переговоровъ Астабеда (р. 157). Мебодъ появляется опять въ царствованіе Юстиніана. «Старанія Кавада обезпечить наслѣдованіе Хозрою увѣнчались успѣхомъ, рассказываетъ проф. Кулаковскій. Желаніе царя принялъ къ сердцу Мебодъ. Въ собраніи персидской знати, имѣвшей право голоса въ рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи Мебодъ прочелъ завѣщаніе Кавада и Хозрой былъ возведенъ на царство» (стр. 65). Черезъ 50 лѣтъ послѣ перваго раза, появляется Мебодъ въ третій разъ при императорѣ Тиверіи. Для переговоровъ о мирѣ съ персидской стороны былъ уполномо-

ченъ Мебодъ (стр. 383). Вскорѣ послѣ этого въ 577 г. опять велись мирные переговоры между Хосроемъ и Тиверіемъ и съ персидской стороны былъ опять уполномоченъ Мебодъ (стр. 388). Послѣ смерти Хосроя въ 579 г. персидскій царь Гормизда отправилъ посольство въ Константинополь, и тутъ опять дѣйствуетъ Мебодъ. На слѣдующій день, говоритъ проф. Кулаковскій, послы на свиданіи съ Мебодомъ узнали, что никакихъ переговоровъ о мирѣ не будетъ (стр. 392). Это извлечено изъ Менандра (р. 414), у котораго читаемъ: τῆ δὲ ὑστερίᾳ ὁ παρὰ Πέρσαις τῆς αὐτῆς ἡγεμῶν καὶ Μεβόδης ἐπυθάνεσθην τὴν δύναμιν τῆς πρεσβείας. Въ царствованіе Маврикія мы опять встрѣчаемся съ Мебодомъ. «Ранней весной слѣдующаго (т. е. 585) года, говоритъ проф. Кулаковскій (стр. 428), Филиппикъ былъ въ Амидѣ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для экспедиціонной арміи. Здѣсь онъ имѣлъ свиданіе съ Мебодомъ, командиромъ гарнизона въ Низибисѣ, который явился для мирныхъ переговоровъ». (Theoph. Simoc. р. 68. Ἦρος δὲ παρανίσχοντος Φιλιππικὸς τῆς βασιλίδος ἐξεδήμησε πόλεως, ἐπεὶ δὲ τῆς Ἀμιδῆς ἐπέβη πρεσβεύουσι Πέρσαις καταθέσθαι τὸν πόλεμον, προσέταπτον γὰρ Ῥωμαίοις χρήμασι τὰς σπουδὰς σφρατερίζεσθαι Μεβόδην τὸν σατράπην. р. 73 διατάχθη δὲ καὶ τὸ περσικὸν οὕτως, ἐπὶ μὲν τοῦ δεξιοῦ λόφου Μεβόδης ὁ Πέρσης. р. 119 διὰ τοῦτο ἐπιστρατεύει καὶ ὁ τῶν Περσῶν βασιλεὺς καὶ Μεβόδην Σούρηνα τὸν υἱὸν ἀντεξώπλιζεν. ἀξιώματα δὲ ταῦτα παρὰ Πέρσαις πρεσβεύονται. р. 120 ἀναιρεῖται γοῦν ὁ τῶν Περσῶν στρατηγός, ὃν Ἀφράτην ὁ λόγος ἀπέδειξεν ἤδη που καὶ Μεβόδου ἐν τῇ πρὸς Φιλιππικὸν μάχῃ ὑπὸ Ῥωμαικῆς περνευμένου βολῆς).

Наконецъ авторъ сообщаетъ, что Хозрой отослалъ своихъ женъ подъ охраной Мебода въ Сингару (стр. 440). Это еще новый Мебодъ. При внимательномъ чтеніи источниковъ можно догадаться, что Мебодъ совсѣмъ не собственное имя, хотя и догадываться объ этомъ не зачѣмъ, такъ какъ таинственный Мебодъ разъясненъ около 50 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ ориенталистомъ де Лагардомъ, замѣтившимъ, что въ Мебодѣ надо видѣть персидскаго mobad (Gesammelte Abhandlungen, р. 190). Самостоятельно пришелъ къ тому же выводу Дестунисъ и въ примѣчаніи къ переводу персидской войны Прокопія написалъ: «Такъ какъ восточные историки, какъ на исполнителя завѣщанія Хосроя, указываютъ на главу маговъ, который по персидски называется мобедъ, а Прокопій тоже самое приписываетъ Меводу, то нельзя не предположить, что это Μεβόδης, принимаемое имъ за имя собственное, не иное что какъ званіе? тутъ одна лишь перестановка гласныхъ» (I, 288). На мой вопросъ лучшіе знатоки персидскаго языка, академики К. Г. Залеманъ и Ѡ. Е. Коршъ отвѣтили мнѣ, что Дестунисъ совершенно правъ и что меводъ изъ меведъ можно объяснить перестановкой гласныхъ. Меведъ не единственный персидскій терминъ, встрѣчающійся у Θεοφιλάκτα Симокатта. Проф. Кулаковскій приводитъ персидскія слова въ византийской транскрипціи, довольствуясь объясненіемъ византийскаго лѣтописца. «Гормизда, говоритъ онъ (стр. 436), послалъ противъ Вахрама войска

подъ начальствомъ Ферохана, должность соотвѣтствовавшая римскому магистру арміи» (Theop. Sim. p. 151 *Φεροχάνην, τὸ δ' ὄνομα τὴν τοῦ μαγίστρου ἀξίαν ἐνσημαίνειται*). По объясненію акад. К. Г. Залемана персидское Фарруханъ соотвѣтствуетъ нашему «превосходительство». Персидская армія, сообщаетъ авторъ (стр. 427), состояла подъ начальствомъ вождя, имѣвшаго титулъ хардаригана. Что же намъ это объясняетъ, если мы объ этомъ титулѣ не имѣемъ никакого понятія?

Проф. Кулаковскій излагаетъ исторію Византіи въ хронологическомъ порядкѣ, но въ то же время обращаетъ недостаточно вниманія на хронологію. Онъ любитъ указывать на дни, когда случилось какое-нибудь мелкое событіе, но не всегда ясно, откуда онъ ведетъ счетъ годовъ. Мы читаемъ у него: «Когда въ Константинополѣ стало извѣстно, что авары взяли Дризиперу, началась страшная паника. Населеніе собиралось бѣжать на азіатскій берегъ Босфора. Маврикій распорядился выслать на охрану Долгой стѣны экскувитовъ, пѣшія войска, какія оказались въ столицѣ, и димотовъ. На восьмой день послѣ этого сенатъ въ засѣданіи убѣдиль императора отправить къ хану посольство» (стр. 467). Если намъ необходимо знать, что засѣданіе сената состоялось на восьмой, а не на седьмой день, то также необходимо знать на восьмой день послѣ чего? Правда, что проф. Кулаковскій буквально передалъ слова Теофилакта Симокатта, но отъ этого византійскій лѣтописецъ не становится понятнѣе (Theoph. Sim. p. 272 *ὁ δὲ αὐτοκράτωρ τοὺς σωματοφύλακας ἀναλαβὼν, οὓς ἐξκουρίτωρας Ῥωμαῖοι ἀναγορεύουσιν, καὶ τὸ ὀπλιτικὸν συλλεξάμενος τὰ Μικρὰ διεφρούρησε τείχη, ὕπην δὲ αὐτῷ καὶ ἐκ τῶν δῆμων τῶν ἐς Βυζάντιον πλείστη ἀπόμοιρα, ἐγδόν δὲ ἡμέρα καὶ ἡ σύγκλητος παρήνει τῷ Καίσαρι πρὸς τὸν χαγάνον πρεσβεῖαν ἐκπέμψασθαι*). Въ главѣ о походахъ аваровъ авторъ пишетъ: «Не довольствуясь данью въ 80 тысячъ номизмъ, ханъ прислалъ въ маѣ 583 года посольство съ требованіемъ прибавки въ 20 тысячъ (стр. 448). Маврикій отправилъ къ нему посломъ сенатора Ельпидія. На слѣдующій годъ Маврикій опять отправилъ къ нему посломъ того же Ельпидія (стр. 449 г.). Весною слѣдующаго года Коменціолъ назначилъ сборъ войскамъ въ Анхіалѣ» (стр. 450). Какъ понимать выраженіе «слѣдующій годъ»? Надо думать слѣдующій сравнительно съ предшествующей датой. Значитъ, Маврикій отправилъ вторично Ельпидія въ 584 г., а Коменціолъ назначилъ сборъ войскамъ въ 585 г. Или можетъ быть оба раза надо относить «слѣдующій годъ» къ 583 г. и рѣчь идетъ только объ одномъ 584 г.? Чтобы разрѣшить эту загадку приходится обратиться къ Теофилакту Симокатту. Къ сожалѣнію у этого византійскаго историка не было подъ руками точныхъ хронологическихъ таблицъ и чтобы установить даты по его неопредѣленнымъ даннымъ, надо предпринять трудную и сложную работу. Слова проф. Кулаковскаго въ данномъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ Теофилакту Симокатту, который говоритъ, что Ельпидій былъ посланъ на слѣдующій годъ (p. 51 *τοῦ δ' ἐπιόντος ἔτους πάλιν ὁ Ἐλπίδιος ἀποστέλλεται*), и что въ этомъ году

Коменціолъ собралъ войско въ Анхіалѣ (р. 90 τούτω τῷ ἐνιαυτῷ Κομνηνός ἐπὶ τὴν Ἀγχιάλον ἦκε). Раньше упоминался второй годъ царствованія Маврикія (августъ 583 г.—августъ 584 г.) и чтобы сообразить, что разумѣть подъ этимъ годомъ 584 или 585 г., надо сопоставить съ выше-приведенными мѣстами о войнѣ съ аварами событія, касающіяся войны на Востокъ. «Въ годъ своего консульства (584 г.), пишетъ проф. Кулаковскій, Маврикій послалъ на восточную границу своего зятя Филиппика. Филиппикъ остался на этомъ посту въ теченіе четырехъ лѣтъ и ходъ войны за это время подробно, хотя далеко неясно описанъ въ сочиненіи Θεοφιλάκτα Σιμοκάττου» (стр. 427). На слѣдующій годъ Филиппикъ предпринялъ вторженіе въ Арзанену, осенью Филиппикъ распустилъ войска на зимнія стоянки и самъ уѣхалъ въ Константинополь, ранней весной слѣдующаго года онъ былъ въ Амидѣ (стр. 428). Когда же происходили эти событія? Въ 585 г. (слѣдующій годъ послѣ 584 г.) Филиппикъ предпринялъ вторженіе въ Арзанену, весной слѣдующаго, т. е. 586 года онъ былъ въ Амидѣ. Изъ Θεοφιλάκτα Σιμοκάττου, на которомъ основывается проф. Кулаковскій, можно вывести другую хронологію. Филиппикъ былъ назначенъ главнокомандующимъ во второй годъ царствованія Маврикія, т. е. въ 584 г., на слѣдующій годъ (584—585 г.) онъ вторгнулся въ Арзанену, зимою 585 г. отправился въ Византію (р. 67) и весной того же 585 г. выступилъ вновь въ походъ и былъ въ Амидѣ (р. 68). Если мы примемъ эти даты, окажется, что Коменціолъ былъ въ Анхіалѣ тоже въ 585 г. Далѣе авторъ рассказываетъ слѣдующее о дѣлахъ на Востокъ. Такъ прошло четыре года въ мелкихъ пограничныхъ набѣгахъ и взаимномъ грабежѣ. Недовольный безуспѣшностью военныхъ дѣйствій Маврикій отнялъ командованіе отъ Филиппика и назначилъ магистромъ арміи востока Приска (стр. 429). Весною слѣдующаго года (Theoph. Sim. р. 110 ἡρως δ'ἐπιγενομένου) Прискъ прибылъ въ Антиохію (стр. 430). Такъ прошелъ 588 годъ (стр. 433). Послѣ этихъ словъ читаемъ: Зимою этого (т. е. 588 г.) или въ началѣ слѣдующаго года крѣпость Мартирополь оказалась въ рукахъ персовъ (стр. 433). Здѣсь опять много неяснаго. Если 588 годъ прошелъ, наступилъ слѣдовательно 589 годъ, какая же можетъ быть рѣчь о зимѣ этого, т. е. 588 года? Но прошелъ ли только 588 годъ, не прошелъ ли и 589 годъ? Проф. Кулаковскій насчитываетъ четыре года послѣ назначенія Филиппика, и если 584 г. считать первымъ, четвертымъ будетъ 587 г. и годъ слѣдующій за этими четырьмя годами будетъ дѣйствительно 588 г. Но авторъ не замѣтилъ, что въ его слѣдующемъ годѣ заключаются два года. Вскорѣ послѣ того какъ весной слѣдующаго года Прискъ прибылъ въ Антиохію была Пасха (стр. 430). Потомъ вмѣсто Приска былъ назначенъ Филиппикъ, котораго солдаты не хотѣли принимать, но послѣ убѣжденія патріарха Григорія въ Воскресенье Лазаря (стр. 432) все таки приняли. Хотя Евагріій говоритъ не о воскресеньи, а о понедѣльникѣ на Страстной (VI, 13 ἡν γὰρ ἡ πάνσεπτος ἡμέρα δευτέρα ἢ τῷ ἁγίῳ ἐγγίζουσα πάθει), все же

страстная недѣля была послѣ вышеупомянутой Пасхи, т. е. въ слѣдующемъ году.

Походы противъ славянъ Приска и Петра (стр. 455—462) изложены авторомъ въ хронологическомъ отношеніи не совсѣмъ правильно. Хронологию этого времени старался установить извѣстный историкъ Бѣри (*English historical review* v. III, 311—315), и жаль, что проф. Кулаковскій не воспользовался его статьею. Разказавъ о грозномъ набѣгѣ аварскаго хана, онъ пишетъ: «За зиму въ Константинополѣ былъ выработанъ планъ военныхъ дѣйствій противъ славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная. Весною слѣдующаго года Прискъ назначилъ сборнымъ пунктомъ для войскъ городъ Гераклею» (стр. 457). Тутъ опять непонятно, что разумѣть подъ слѣдующимъ годомъ. Весна слѣдующаго года послѣ зимы, значило бы по прошествіи болѣе чѣмъ года; допустимъ, что это просто *lapsus calami* и авторъ хотѣлъ сказать: весной того же года. За четыре страницы до этого (стр. 453) у проф. Кулаковскаго говорится о веснѣ 592 г., слѣдовательно Прискъ назначилъ сборнымъ пунктомъ городъ Гераклею весной 593 г. А Бѣри установилъ, что это произошло въ 592 г. Говоря далѣе о походѣ Петра авторъ замѣчаетъ: въ виду неясности въ главномъ нашемъ источникѣ трудно сказать съ увѣренностью, было ли это въ 594 или 595 г. (стр. 460). По мнѣнію англійскаго историка это было въ 593 г. Далѣе мы читаемъ въ Исторіи проф. Кулаковскаго: «Въ такой послѣдовательности излагаетъ военныя событія подъ начальствомъ Петра Теофилактъ Симокатта и оставляетъ у читателей представленіе, что рѣчь идетъ о походѣ одного года. Но въ концѣ разказа онъ дѣлаетъ общее замѣчаніе хронологическаго характера, которое переноситъ послѣднюю неудачу Петра въ 597 годъ. Теофанъ отнесъ въ своей хроникѣ важнѣйшія изъ разказанныхъ здѣсь событій къ 14 и 15 годамъ правленія Маврикія, т. е. отъ 14 августа 595 года до 13 августа 597 года» (стр. 463). Сообщивъ намъ эти лѣтописныя свѣдѣнія, авторъ не дѣлаетъ изъ нихъ никакого вывода, и читатели не знаютъ, осталось ли у нихъ правильное представленіе, что походъ Петра продолжался годъ, и что происходилъ онъ въ 595 г., какъ было сказано раньше, или нѣтъ? Въ статьѣ, появившейся 24 года тому назадъ, Бѣри занимался разрѣшеніемъ этого хронологическаго вопроса и пришелъ къ выводу, что Теофанъ, пользовавшійся исключительно Теофилактомъ Симокаттомъ, безъ достаточнаго основанія раздѣлилъ походъ Петра на три года. Въ связи съ этимъ походомъ находится неудачная осада Солуни славянами, о которой упоминаютъ Чудеса св. Димитрія Солунскаго. Объ этомъ событіи проф. Кулаковскій говоритъ: «Точное указаніе даты освобожденія города, воскресенье 22 сентября, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что это нашествіе славянъ относится къ 597 году» (стр. 463). Однако Иречекъ, ссылаясь на Станоевича, подчеркиваетъ, что это событіе случилось не въ 597 г., а въ 586 г. (*Geschichte der Serben*



I, 289). Годъ въ источникѣ не указанъ, а 22 сентября приходилось въ воскресенье и въ 586 г. и въ 597 г.

Мелочная критика по отношенію къ общему труду была бы совершенно неумѣстна, если бы авторъ не переполнилъ свою исторію Византіи множествомъ мелочей. Вотъ небольшой образецъ манеры, какой придерживается проф. Кулаковскій. «Раньше чѣмъ началось выступленіе, пишетъ онъ, Хозрой разсорился съ Коменціоломъ и просилъ Маврикія, назначить другого командира. Маврикій передалъ командованіе Нарзесу, одному изъ оруженосцевъ Коменціола. Патріархъ Григорій простился съ Хозроемъ въ Константинонѣ и уѣхалъ въ Антиохію. Принявъ начальство подъ арміей Нарзесъ перешелъ въ крѣпость Марды, отстоявшую въ трехъ парасангахъ отъ Дары. Войска, расположенныя въ укрѣпленіяхъ близъ Низибиса, стали на сторону Хозроя, и арабы близлежащихъ пустынь признали его своимъ царемъ и выдали ему заложниковъ. Слѣдующимъ пунктомъ на пути была Дара. Въ заботахъ о томъ, чтобы Хозрой былъ окруженъ царской роскошью соотвѣтственно его положенію въ своемъ царствѣ, Маврикій прислалъ ему золотую, украшенную драгоценными камнями перевязь, царскую тиару, золотую посуду, такое же ложе и прикомандировалъ къ нему своихъ оруженосцевъ. Хозрой сдалъ Дару римскимъ вождямъ и скрѣпивъ подписью дарственную запись отправилъ съ нею къ Маврикію знатнаго перса Долабзу съ ключами крѣпости» (стр. 440). Въ данномъ случаѣ авторъ довольно буквально переводилъ Симокатта, сохранивъ даже его архаическіе парасанги. Совсѣмъ не къ мѣсту и безсвязно вставлена только фраза о патріархѣ, помѣщенная въ византійскомъ источникѣ до разсказа о походѣ Нарзеса. Проф. Кулаковскій счелъ нужнымъ передать всѣ подробности византійской хроники, хотя о крѣпости Марды и о Долабзѣ онъ въ другихъ мѣстахъ своей книги не говоритъ. Слишкомъ буквальный переводъ оказывается не совсѣмъ правильнымъ. Теофилактъ Симокаттъ дѣйствительно говоритъ своимъ обычнымъ риторическимъ слогомъ, что на царскомъ свиткѣ Дара записывается даромъ подвластнымъ Маврикію и что Долабза отправился съ ключами и съ писаннымъ даромъ (Theoph. p. 193—194 ἐν βασιλικῇ διφθέρα τὴν πόλιν Δάρας ὑπήκοον ἐγγράφεται προῖκα Μαυρικίῳ, τὸν Δολαβζάν στελλει τὰς κλεῖς οἰσόμενον τὴν τε ἐν γράμμασιν δωρεάν), тѣмъ не менѣе международный документъ о передачѣ города нельзя называть дарственной записью, имѣющей вполне опредѣленное значеніе въ нашемъ гражданскомъ правѣ. Съ другой стороны считая нужнымъ перечислить всѣ вещи, посланныя Маврикіемъ Хозрою, авторъ выражается не точно. Симокаттъ говоритъ не о золотой посудѣ, а о золотыхъ (конечно золоченыхъ) столахъ и кушеткахъ къ нимъ (κλίνας τε καὶ τραπέζας χρυσᾶς).

Очень характерно слѣдующее мѣсто. Мундаръ, разсказываетъ проф. Кулаковскій, съ женой, двумя сыновьями и дочерью прибылъ въ столицу, и ему было предоставлено то самое помѣщеніе, гдѣ онъ жилъ въ

прошлый свой прїѣздъ (стр. 425). Дѣйствительно такъ говоритъ Іоаннъ Ефесскій (р. 139 befahl ihm der Kaiser zu wohnen, wo er früher gewohnt). Но сообщая о первомъ прїѣздѣ Мундара авторъ не говоритъ, въ какомъ онъ жилъ помѣщеніи; нѣтъ этого и у Іоанна Ефесскаго, который дошелъ до насъ не въ полномъ видѣ. Зачѣмъ нужно знать читателю, что одна изъ новыхъ крѣпостей при Юстиніанѣ Анасарѣъ получила имя Θεοδοριάды (стр. 54), когда вообще объ этой крѣпости ничего больше не говорится? Зачѣмъ намъ нужно знать, что изъ Антиохіи Хосрой проѣхалъ въ гавань города (т. е. въ антиохійскую гавань), выкупался въ морѣ и принесъ жертву богу Солнцу (стр. 139), когда его купанье не на какомъ событіи не отразилось? Съ какой цѣлью сообщаетъ намъ авторъ что посоль антовъ Мезамиръ былъ сыномъ Идаризія и братомъ Келаста (стр. 231), когда объ Идаризіи и Келастѣ мы ничего не знаемъ.

Читателю, незнакому съ разбираемой книгой, можетъ показаться страннымъ, что рецензентъ останавливается на всевозможныхъ подробностяхъ и ничего не говоритъ объ общихъ вопросахъ, которые должны же имѣть мѣсто въ общемъ трудѣ по исторіи Византіи. Не остановиться на общихъ взглядахъ автора было бы конечно непростительнымъ промахомъ со стороны критики. Но въ данномъ случаѣ рецензентъ лишенъ возможности остановиться на томъ, что представляется ему наиболѣе важнымъ, и вынужденъ довольствоваться указаніемъ на существенные пробѣлы въ этомъ отношеніи. Проф. Кулаковскій выбралъ самую устарѣлую манеру изложенія по царствованіямъ. Для подобнаго исключительно хронологическаго изложенія политической исторіи можно найти нѣкоторое внутреннее и внѣшнее оправданіе. Направленіе дипломатическихъ сношеній и военныхъ дѣйствій часто зависѣло отъ личности императора. Однако и фактическая исторія протекала верѣдко внѣ всякой зависимости отъ того, кто сидѣлъ на престолѣ. Къ такимъ явленіямъ принадлежало заселеніе славянами Балканскаго полуострова и проф. Кулаковскій совсѣмъ напрасно рѣдѣлил славянскую колонизацію на мелкіе кусочки; отъ этого теряется единство явленія, имѣвшаго громадное значеніе въ византійской исторіи. Давно уже историки вслѣдъ за изложеніемъ политическихъ фактовъ отводятъ отдѣльныя главы, расположенныя по эпохамъ и посвященныя обзорѣнью тѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явленій, которыя не укладываются въ тѣсныя рамки отдѣльныхъ царствованій. Ничего подобнаго не находимъ у проф. Кулаковскаго. Онъ довольствуется изложеніемъ отдѣльныхъ фактовъ, не считаетъ нужнымъ въ нихъ углубляться, избѣгаетъ самого элементарнаго прагматизма.

Безъ всякой связи съ другими событіями излагаетъ проф. Кулаковскій возстаніе самарянъ. «Въ слѣдующемъ 529 году (раньше онъ говорилъ о землетрясеніи, случившемся въ ноябрѣ 529 года и слѣдовало бы сказать: въ томъ же 529 году) религіозная нетерпимость Юстиніана высвела тяжкія послѣдствія въ Палестинѣ. Угроза искорененія, которую возвѣстилъ юстиніанъ іудеямъ, не могла быть приведена у исполненіе;

но она возымѣла свое дѣйствіе относительно такой сравнительно немногочисленной и мѣстной по своему характеру іудейской секты, какой были самаряне въ Палестинѣ. Ограниченіе въ правахъ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ, которому подверглись самаряне, вызвало наружное присоединеніе къ христіанству очень многихъ членовъ секты преимущественно изъ городскихъ жителей. Но сельское населеніе оказалось болѣе стойкимъ, чѣмъ его единовѣрцы-горожане. Въ маѣ (Малала говоритъ въ іюнѣ) 529 года началось возстаніе, центромъ котораго былъ городъ Неаполь. Возставшіе истребляли огнемъ и мечомъ христіанскія селенія, захватили самый городъ и провозгласили своимъ царемъ извѣстнаго въ странѣ разбойника, Юліана, сына Савара. Юліанъ облачился въ царское одѣяніе и діадему и далъ въ городѣ ристанія подъ своимъ предсѣдательствомъ. Одинъ наѣздникъ христіанинъ, по имени Никита, былъ казненъ вмѣсто награды, которую заслужилъ своей побѣдой. Въ городѣ были разрушены всѣ пять церквей, епископъ Саммона былъ убитъ, нѣсколько схваченныхъ священниковъ были изрѣзаны въ куски и сожжены вмѣстѣ съ мощами, какія были въ городѣ. Возстаніе охватило всю страну и по всѣмъ дорогамъ шель жестокой разбой и грабежъ. Противъ Юліана выступили войска подъ начальствомъ Θεодора, дукса Палестины, и Іоанна. Въ кровопролитномъ сраженіи самаряне потерпѣли пораженіе, палъ ихъ царь Юліанъ, и голова его съ діадемой была отослана въ столицу, какъ трофей побѣды» (стр. 46—48). Тутъ какъ всегда множество подробностей, а самое важное упущено изъ виду. И въ подробностяхъ кое-что остается невыясненнымъ, что не трудно было объяснить. Почему побѣдитель Никита (собственно не Никита, а уроженецъ Никеи) былъ казненъ? Малала отвѣчаетъ: потому что онъ побѣдилъ возницъ изъ самарянъ и іудеевъ. Эпизодъ этотъ довольно сомнительнаго свойства и указывалъ бы во всякомъ случаѣ только на озлобленіе самарянъ противъ христіанъ. Гораздо важнѣе установить связь между возстаніемъ самарянъ и персидской войной. Самаряне рѣшились подняться въ ту минуту, когда византійцы терпѣли пораженія отъ персовъ. Наконецъ, самарянское движеніе было не только національнымъ и религіознымъ, но и экономическимъ. Сельское населеніе поднялось не потому, что оно было болѣе стойкимъ въ вѣрѣ отцовъ, а потому что оно было наиболѣе угнетеннымъ. Помѣщики были христіанами, которымъ конечно въ такомъ отдаленномъ уголкѣ византійской имперіи легко было притѣснять самарянъ, не пользовавшихся покровительствомъ власти. А со всѣхъ подданныхъ чиновники неумолимо взыскивали подати. Проф. Кулаковскій сообщаетъ, что погибло 20 тысячъ самарянъ и столько же было продано на рабскихъ рынкахъ въ Персіи. Не задумываясь надъ этой вѣроятно преувеличенной цифрой, онъ не дѣлаетъ изъ нея никакихъ выводовъ. Между тѣмъ Прокопій рассказываетъ, что помѣщики лишлись рабочихъ рукъ, и такимъ образомъ религіозное преслѣдованіе приводило къ экономическому ослабленію страны.

Ю. А. Кулаковскій довольствуется поверхностнымъ изложеніемъ фактовъ. Онъ не старается найти въ византійской исторіи то, что для современнаго историка наиболѣе цѣнно, не вскрываетъ соціальныя и культурныя основы византизма, не интересуется общественными движеніями, вызывавшими разныя событія, отмѣченныя лѣтописцами. Прослѣдить тѣ корни, изъ которыхъ въ V-мъ и VI-мъ вѣкѣ развивалось византійское древо, интереснѣйшая задача, почти обязательная для ученаго, рѣшившагося написать исторію Византіи. Несомнѣнно, что въ византизмѣ переплелись и объединились три вѣтви, азіатскій Востокъ, эллинизмъ и романизмъ. Проф. Кулаковскій съ удовольствіемъ передаетъ подробности придворнаго церемоніала, но не останавливается на вопросѣ, единственно важномъ въ этомъ случаѣ, не есть ли византійскій этикетъ порожденіе Востока? Онъ очень продолжительно говоритъ о монофизитахъ, но изъ его книги можно вывести только одно заключеніе, что монофизиты—еретики, которыхъ преслѣдовали византійскіе императоры. Вотъ самая общая фраза, какую мы находимъ по этому поводу у проф. Кулаковскаго: «Монофизиты, имѣвшіе въ своей средѣ много образованныхъ и авторитетныхъ богослововъ, не сдавались на требованія императора признать Халкидонскій соборъ и предпочитали терпѣть преслѣдованія и всякаго рода угнетенія, отстаивая истину своего ученія» (стр. 233). Монофизитство было не только богословскимъ ученіемъ, оно было глубокимъ національнымъ, общественнымъ и умственнымъ движеніемъ Востока. Противъ него возставалъ западъ въ лицѣ римскаго папы, и весьма знаменательно, что между этими двумя полюсами колебался Юстиніанъ. Императрица Теодора, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Кулаковскій, стояла на сторонѣ монофизитовъ (стр. 233), но почему, онъ объ этомъ не говоритъ. Не потому ли, что Теодора вообще чувствовала влеченіе къ Востоку и восточному этикету? Она требовала, чтобы высшіе сановники являясь къ ней, повергались ницъ и прикасались губами къ ея ногамъ, превращая, по словамъ Прокопія, въ постыдное рабство свободный строй государства, будучи учительницей рабскаго поклоненія *εις δουλοπρέπειαν ἢ πολιτεία ἤθη, δουλοδιδάσκαλον αὐτὴν ἔχουσα*). На востокъ развивалось и крѣпло монофизитство. Родиной изъ одного наиболѣе выдающихся монофизитскихъ дѣятелей и писателей была Амидская область, гдѣ по языку и культурѣ господствовали сирійцы. Въ восточной окраскѣ христіанства находило себѣ опору монофизитство. «Воспитанный, говоритъ проф. Дьяконовъ, въ средѣ гонимаго за вѣру восточнаго монофизитскаго монашества, Іоаннъ Ефесскій вынесъ изъ нея ту преданность монофизитству, которая утверждалась не столько на богословскихъ предпосылкахъ, сколько на своеобразномъ восточно-сирійскомъ благочестіи, которое ненавидѣло въ Халкидонскомъ опредѣленіи дерзкое новшество съ формальной стороны и кощунственное приниженіе славы Сына Божія по существу (стр. 5). Монофизиты сами себя ослабили тѣмъ, что раздѣлились на партіи и занимались спорами между собою, послѣдователи тритеизма

враждовали съ павлитами. Если бы авторъ воспользовался диссертацией проф. Дьяконова, онъ убѣдился бы, что раздоры въ монофизитской церкви происходили не только отъ различнаго вѣроученія, но коренились гораздо глубже. Два теченія въ монофизитствѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ двумъ общимъ теченіямъ, которыя можно наблюдать въ византизмѣ, западному и восточному. «Разногласія, говоритъ проф. Дьяконовъ, сводились къ двумъ основнымъ пунктамъ: первый касался отношенія къ діофизитству, второй внутренней организаціи монофизитской церкви. Оставаясь совершенно солидарными въ ученіи объ одной природѣ, восточные и западные относились къ діофизитамъ не одинаково: первые смотрѣли на нихъ какъ на безнадежныхъ еретиковъ и стремились къ полному отдѣленію отъ діофизитства, а вмѣстѣ и отъ государства ромэевъ которое его поддерживало, вторые относились къ діофизитамъ болѣе терпимо и не оставляли мечты объ униіи и надежды на правовѣріе христіолюбиваго императора. Такимъ образомъ, одно теченіе было крайнимъ сепаративнымъ и націоналистическимъ, а другое умѣреннымъ, униональнымъ и имперіалистскимъ. Въ связи съ этимъ въ церковной организаціи унионисты отстаивали господство столицы, какъ центра, откуда должно было явиться возстановленіе монофизитской каѳоличности, и безусловную власть епископовъ, назначаемыхъ изъ этого центра или по крайней мѣрѣ стоящихъ съ нимъ въ самой тѣсной связи, и самими носителями униональныхъ идей были епископы и придворная знать. Сепаратисты, напротивъ, относясь съ недоувѣріемъ къ центру, отстаивали полную автономію окраинъ, и носительницей сепаративныхъ идей являлась монашеская масса, которая, вопреки епископской партіи, защищала участіе въ церковныхъ дѣлахъ народа. Такимъ образомъ одна сторона стояла за централизацію и была аристократической, вторая напротивъ за децентрализацію и была демократической. Географической границей, раздѣлявшей эти два направленія, былъ Евфратъ, т. е. приблизительная этнографическая граница, при чемъ восточные находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, который былъ колыбелью сепаратизма и націонализма» (стр. 143—144). Въ мѣропріятіяхъ Юстиніана въ пользу и противъ монофизитовъ важное значеніе имѣло его отношеніе къ римскому папѣ, которое осталось невыясненнымъ въ исторіи Ю. А. Кулаковского, хотя онъ сообщаетъ разные внѣшніе факты о папѣ Вигиліи и о посѣщеніи папой Агапитомъ Константинополя. Юстиніанъ признавалъ главенство римскаго папы. Онъ называетъ Римъ главой всѣхъ священныхъ церквей и въ новеллѣ отъ 545 года повелѣваетъ священнѣйшему папѣ древняго Рима быть первымъ изъ всѣхъ іереевъ, а блаженнѣйшему архіепископу Константинополя Новаго Рима занимать второе мѣсто послѣ священнѣйшаго апостольскаго престола древняго Рима (Knescht p. 64—65). Такое отношеніе къ Риму имѣло политическую причину. Юстиніанъ считалъ себя вселенскимъ римскимъ императоромъ и пытался возстановить свое всемірное владычество. Оттого Римъ оставался для

него первой столицей, и папа первымъ епископомъ. «Изъ религіозныхъ вопросовъ, замѣчаетъ по этому поводу Диль, привлекавшихъ вниманіе Юстиніана, вопросъ о томъ, какой политики слѣдовать въ отношеніи монофизитовъ, былъ однимъ изъ наиболѣе затруднительныхъ. Религіозныя чувства императора, реставрація православія, совершенная Юстиномъ, возстановленное единеніе съ Римомъ и важность поддержанія такового для упроченія въ Африкѣ и Италіи византійскаго владычества все склоняло Юстиніана къ преслѣдованію еретиковъ. Но съ другой стороны монофизиты составляли на Востокѣ многочисленную и сильную партію; изгнать ихъ значило возбудить противъ имперіи важныя провинціи, и политическій разумъ императора ясно понималъ опасности, которыя возникли бы при этомъ для монархіи. Такимъ образомъ онъ находился передъ дилеммой: либо возстановить единство на Востокѣ, жертвуя единеніемъ съ Римомъ, либо поддерживать согласіе съ Западомъ, возбудивъ оппозицію монофизитскаго Востока. Понятно, что Юстиніанъ колебался между этими двумя рѣшеніями, которыя оба имѣли за себя серьезные политическіе мотивы» (русскій переводъ, стр. 339—340).

Три потока, слившіеся въ византизмѣ, восточно-азиатскій, эллинскій и римскій можно прослѣдить въ области права вообще, въ развитіи самодержавія въ частности (*Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht*, p. 9), а также въ искусствѣ. Античная основа византійскаго искусства, замѣчаетъ проф. Айналовъ, является то римской, то греческой, то эллинистической. Основаніе Константинополя приблизило центръ имперіи къ странамъ востока съ давней эллинистической культурой. Христіанское искусство образовалось въ этихъ странахъ на основахъ эллинистическаго, измѣнившагося подъ вліяніемъ различныхъ стилей восточныхъ народныхъ искусствъ. Сирія, Палестина, Малая Азія, Африка съ Александріей находятся въ непрестанномъ и самомъ тѣсномъ общеніи съ Константинополемъ (Эллинистическія основы византійскаго искусства, стр. 3 и 5), думается, что и въ частной жизни и въ костюмѣ возможно было бы раскрыть тѣже три источника.

Къ сожалѣнію подобныя соображенія совершенно чужды автору новѣйшей исторіи Византіи. Онъ не даетъ никакого освѣщенія существенному вопросу, котораго за недостаткомъ матеріала не могли касаться прежніе историки Герцбергъ и Финлей. Онъ почти ничего не говоритъ о положеніи крестьянъ, а происхожденіе колоната обходитъ полнымъ молчаніемъ. Между тѣмъ за послѣднія 20 лѣтъ появился совершенно новый матеріалъ (надписи и папирусы), породившій спеціальную литературу о колонатѣ и дающій историку возможность провести общій взглядъ на происхожденіе крѣпостного права. Проф. Кулаковскій не пожелалъ воспользоваться спеціальными изслѣдованіями Вебера, Шультена, Мипуля, Бодуена, Ростовцева и предпочелъ дать вполне самостоятельныя обрывки о крестьянскомъ вопросѣ. Въ трехъ разныхъ мѣстахъ своей книги пишетъ онъ о крѣпостныхъ. Въ главѣ о дѣлахъ въ Африкѣ послѣ подробнаго

описанія походовъ и сраженій авторъ сообщаетъ намъ, что большую тревогу въ жизнь африканскихъ римлянъ внесло возстановленіе имущественныхъ правъ туземцевъ на земли, отнятыя у нихъ нѣкогда вандалами, что частныя лица и церкви ревностно разыскивали бѣглыхъ и возбуждали иски о возвращеніи ихъ въ прежнее состояніе, что при всемъ своемъ интересѣ къ успѣхамъ земледѣлія, обезпечивавшаго исправное поступленіе податей, Юстиніанъ сталъ въ этомъ вопросѣ на сторону свободы. Въ двухъ указахъ онъ ограничивалъ право землевладѣльца искать своихъ бѣглыхъ колонновъ временемъ утвержденія римской власти, отрицая его для предшествующей поры, и всѣ тѣ, кто вышли изъ крѣпостнаго состоянія до появленія арміи Велизарія въ Африкѣ, не подлежали возвращенію подъ прежнее тягло (стр. 160—161). И вдругъ къ этому прибавлено совершенно неожиданно нѣсколько строкъ общаго характера безъ всякой связи съ предыдущимъ: «Въ вопросѣ о правахъ потомства отъ смѣшанныхъ браковъ между человѣкомъ несвободнымъ и свободной женщиной онъ сдѣлалъ уступку въ пользу землевладѣльцевъ и признавая такихъ людей свободными обязывалъ ихъ оставаться въ положеніи колонновъ на землѣ собственника». Интересно сопоставить съ этимъ другой обрывокъ. Изыскивая, говоритъ проф. Кулаковскій, способы помочь землевладѣльцамъ, императоръ Юстинъ II велъ закрѣпощеніе земледѣльческаго населенія дальше, чѣмъ дѣлалъ это Юстиніанъ. Въ указѣ 570 года Юстинъ повелѣвалъ, чтобы потомство отъ брака между лицомъ приписаннымъ къ хозяйству (*adscriptitius*) и свободной женщиной, сохраняя права на личную собственность, оставалось въ положеніи колона и не могло покинуть тягла, къ которому былъ привязанъ отецъ (стр. 353). Авторъ какъ будто не замѣтилъ, что Юстинъ только подтвердилъ то самое постановленіе Юстиніана, которое онъ раньше привелъ. Юстиніанъ и Юстинъ одинаково говорятъ объ адскриптиціяхъ, т. е. о крѣпостныхъ лично несвободныхъ (отличающихся отъ колонновъ, крѣпостныхъ лично свободныхъ), которыхъ авторъ въ первомъ случаѣ правильно называетъ людьми несвободными, а во второмъ довольно своеобразно приписанными къ хозяйству, и совершенно непонятно, какъ можно видѣть въ повтореніи прежняго закона дальнѣйшее закрѣпощеніе крестьянъ. Неизвѣстно, почему проф. Кулаковскій изъ 24 Юстиніановыхъ новеллъ, тракующихъ о крестьянахъ и далеко еще не обслѣдованныхъ, счелъ нужнымъ остановиться на двухъ и сообщить читателямъ наименѣе важную подробность о смѣшанныхъ бракахъ. Если ему показалось необходимымъ познакомить читателей со смѣшанными браками, мы ждали бы отъ него по крайней мѣрѣ нѣкоторой полноты въ изложеніи этого спеціальнаго вопроса, но и ея не находимъ. Общее узаконеніе относительно смѣшанныхъ браковъ, говоритъ проф. Кулаковскій, дано Юстиніаномъ въ указѣ на имя магистра двора Гермогена въ 534 г. (*Cod. Just.* 11, 48, 24) о правѣ расторгать такіе браки *Nov.* 22, с. 17. Самое важное опущено. По Кодексу бракъ адскриптиція со свободной былъ за-

преценъ и предусматривался тотъ случай, если адскриптиціи при помощи какой-нибудь хитрости всетаки женился на свободной женщинѣ (quasumque mente aut quasumque machinatione); за такой дерзкій поступокъ помѣщикъ имѣлъ право подвергнуть провинившагося адскриптиція умѣренному тѣлесному наказанію или лично или черезъ начальника провинціи и кромѣ того разлучить крѣпостного съ его женой (sancimus liberam habere potestatem dominum eius sive per se sive per praesidem provinciae talem hominem castigatione moderata corrigere et abstrahere a tali muliere). Новелла 22, на которую ссылается проф. Кулаковскій, повторяетъ слова Кодекса (ἐναπόγραφῳ δὲ ἀλλοτρίῳ γαμεῖν ἐλευθέρῳ οὐκ ἔξεστιν, ἀλλὰ καὶ εἴ τι τοιοῦτο παρὰ τοῦ ἐναπόγραφου πραχθεῖη, πάρεστι τῷ δεσπότῃ καὶ αὐτῷ καθ' ἑαυτὸν καὶ διὰ τοῦ τῆς χώρας ἄρχοντος σωφρονίζειν τε πληγαῖς μετρίαις τὸν ταῦτα πράξαντα ἐναπόγραφον καὶ ἀφέλκειν ἀπο τῆς μάτην αὐτῷ συνούσης). Подробнѣе вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ разбирается въ 162-й новеллѣ, въ которую авторъ не заглянулъ. Кромѣ упомянутой, онъ указываетъ еще одну новеллу, гдѣ имѣются постановленія о крестьянахъ, но тутъ авторъ, столь многословный, когда рѣчь заходитъ о сраженіяхъ, поражаетъ насъ своей краткостью. «Юстиніанъ, говоритъ онъ, издалъ эдиктъ общаго содержанія на имя Трибоніана. Въ многословной и расплывчатой формѣ законодатель касается разныхъ сторонъ компетенціи правителей провинцій и кромѣ общихъ внушеній даетъ нѣсколько болѣе точныхъ указаній обязательнаго для нихъ отношенія къ частнымъ вопросамъ. Такъ правитель обязанъ не допускать захвата богатыми землевладѣльцами мелкихъ хозяйствъ, уводя чужихъ колоновъ и т. п.» (стр. 265). И больше ничего, хотя въ этой 17-й новеллѣ достаточно матеріала для цѣлой статьи и въ ней затронуты существенные вопросы о patrocinium и о барщинѣ.

Всякій, работавшій надъ византійскими источниками, понимаетъ, какъ тяжело написать исторію Византіи вполне самостоятельно, не пользуясь трудами своихъ предшественниковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не оцѣнить исключительнаго трудолюбія проф. Ю. А. Кулаковскаго. Но въ тоже время нельзя не пожалѣть, что онъ потратилъ много времени на работу не нужную, давно сдѣланную другими и не хуже него.

## II. Безобразовъ.

А. П. Дьяконовъ. *Иоаннъ Ефесскій и его церковно-историческіе труды.* СПб. 1908.

### Хронологическія замѣтки.

Можно надѣяться, что всякій, кто не по наслышкѣ только, но и путемъ собственнаго изученія знакомъ съ научными трудами незабвеннаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи (1879—1900) В. В. Болотова, согласится съ тѣмъ, что въ лицѣ его русская церковно-историческая наука 5 апрѣля 1900 года понесла утрату надолго вознагра-